

Светлана Демидова

Сердце
из нежного
льда

русский любовный
роман

Светлана Демидова

Сердце из нежного льда

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164455

Сердце из нежного льда: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-19927-6

Аннотация

Алла Белозерова презирала мужчин. Отвергнутых ею поклонников было не счесть, брошенных без всяких объяснений любовников – еще больше. Она играла с ними, точно кошка с мышками, а, наигравшись, безжалостно изгоняла из своей жизни. Неизвестно, что сделало такой эту роковую красавицу – давнее предательство любимого мужчины, неразделенное чувство или просто разочарование в жизни. А может быть, Алле всего лишь не повезло, и она не встретила того, кто ей нужен? Тем не менее, и женатый сослуживец, и совсем юный паренек, и красавец-мужчина, которого Алла уничижительно называла «Некто Макс», изо всех сил стараются добиться ее любви. Именно любви – настоящей, светлой, искренней. Так к кому же из них будет благосклонна эта красавица с ледяным сердцем?..

Светлана Демидова

Сердце из нежного льда

Мир тогда разделился на две неравные части: маленькую «до» и пока не имеющую конца – «после», будто чьей-то волевой рукой была проведена черта, граница, демаркационная линия и навешена полосатая красно-белая запрещающая лента. С отвратительным чмоком разделилось и время. Новое, опять начавшись с нуля, стало жестко отсчитывать секунду за секундой, которые больше никогда не были потрачены впустую: на всякие «сюси-пуси», созерцание, восхищение, любование и прочие проявления безделья, расслабленности и слабоволия. Все ее действия были взвешены и рассчитаны с аптекарской точностью. Ничего лишнего. Только то, что нужно. Ненужное безжалостно отбрасывалось.

Алла Константиновна Белозерова уже прошла от своего НИИ к метро почти целый квартал, когда около нее взвизгнула тормозами машина. Алла повернула голову, увидела в окне нарядной белоснежной «Ауди» приветливо махающего ей рукой Петра Николаевича Башлачева и в некотором замешательстве остановилась.

– Алла Константиновна! Садись, подвезу, – зазывающе промурлыкал Башлачев.

– Я ненавижу иномарки, – ответила она.

– Вот еще новости! Почему?

– Меня в них тошнит.

– В смысле... укачивает... или из принципа?

– Укачивает. Без всяких принципов.

– И что? – Башлачев задал этот смешной вопрос, будто не он, а Алла приглашала его покататься в иномарке, а он отказывался.

– И ничего. Я пойду домой пешком, а ты, Петя, – поедешь на своей снежной красотке.

На лице Петра Николаевича проступило такое огорчение, какое бывает у первоклассника, который возомнил себя уже совсем взрослым, а его жестоко отправляют спать как раз в то самое время, когда по телевизору начинается потрясающий фильм.

Несмотря на детское выражение лица, огорчение Башлачева было весьма взрослым. Задуманное мероприятие с самого начала шло наперекосяк. Если Алла не сядет в машину, то хорош же он будет со своим букетом, который стоит в трехлитровой банке прямо позади его сиденья. Не вручать же его ей здесь, с бухты-барахты. Надо же, чтобы со смыслом!

– Знаешь что, – обрадовался он неожиданно пришедшей в голову блестящей мысли. – Давай проедем всего несколько метров до «Пируэта»! Не успеешь укачаться!

– Это еще что такое – пируэт?

– Кафе! Давай посидим там! Я угощаю!

Алла посмотрела на Башлачева, который уже на полтела вылез из окна машины, рассмеялась и сказала:

– Ну что ж, Петя, давай посидим! Не люди мы, что ли!

Алла села к нему на переднее сиденье. Интересно, что Башлачев задумал. Неужели станет банально соблазнять? Похоже на то. Не зря же он в обед подсел к ней за столик и даже пытался укладывать ладонь на ее колено. Алла с интересом и ожиданием уставилась в лицо Петра Николаевича. Он смущенно крикнул и, вместо того чтобы тронуть машину с места, где явно была запрещена парковка, вдруг с неожиданной для его большого тела пластичностью перегнулся назад, вытащил откуда-то из-под сиденья крупный букет в гофрированной лимонно-желтой бумаге и смело протянул его Алле.

– Что это? – сморщившись, спросила она, будто он вручил ей не букет, а, к примеру, разводной ключ, которым она совершенно не умела пользоваться.

– Цветы, – терпеливо объяснил ей Башлачев и подумал, что баба совсем зарвалась. Когда он своей жене Вике на Восьмое марта и дни рождения приносит по три занюханных гвоздики в фольге, она целует его взасос и не знает, в какой красный угол их пристроить. А тут одна бумага с рюшками чего стоит! А лакированный бантик! О самих цветах и говорить не стоит! Вика таких не видела никогда и вряд ли когда удостоится.

– Зачем? – пожала плечами Белозерова, брезгливо отодвинув букет от себя. С цветоножек капала вода, а низ гофрированной бумаги размяк и отваливался хлопьями. Нет, решительно сегодня был день не Петра Николаевича Башлачева.

– Так... От души... – пролепетал он и носовым платком, любовно отглаженным Викой в виде треугольника, вытер низ букета, окончательно разорвав бумагу и развязав лакированный бантик. – А может... ну ее... бумагу... вообще? – Башлачев уже раздраженно сорвал с букета лимонно-желтое великолепие, и на колени Алле посыпались бело-красные колокольцы на коротких ножках. То, что составляло основу букета, на котором он, собственно, и держался, представляло собой жесткие стебли травы с жалким хохолком листьев на макушке, очень похожие на обглоданные павлиньи перья.

– Вот мерзавцы! Халтурщики! – вскричал взбешенный Петр Николаевич. – И ведь какие деньги берут за такую бодягу!

Алла от души расхохоталась и с трудом заставила себя остановиться. У Башлачева было такое растерянное выражение лица, что ей стало его жалко. Вытирая выступившие слезы настолько осторожно, чтобы не размазать косметику, она сказала:

– Петь! Поскольку ты и так уже здорово потратился, может, ну его и «Пируэт» твой заодно?!

– Знаешь, похоже, что я не в ударе, – согласился он. – Судя

по этому букету, в «Пируэте» сегодня наверняка санитарный день или какой-нибудь переучет тарелок!

– Ладно, поехали ко мне! – неожиданно вдруг предложила Алла. – Потерплю твою «Ауди», так и быть. У меня дома как раз все есть. Думаю, посидим не хуже, чем в «Пируэте».

Потрясенный неожиданным везением среди тотального невезения, Башлачев даже проехал на красный свет, чуть не сбив на переходе старушку с ручной тележкой. А Алле действительно становилось плохо. Сначала она побледнела, потом позеленела, а на висках проступили капельки пота.

– Остановить машину? – спросил встревоженный Башлачев.

– Не надо, – прошептала она. – Сейчас повернешь направо, въедешь во двор, и мы – приехали.

– Располагайся, Петя, – сказала она ему уже в квартире. – Посиди пока, музыку послушай или фильм какой-нибудь посмотри, – она кивнула на компьютер и полочку с дисками. – А я в душ. Минут через пятнадцать приду в себя. Уже проверено.

Алла ушла в ванную, а Башлачев огляделся. Надо же, какое безликое жилище! Сразу и не поймешь, женщина тут живет или мужчина. Проклятые унисекс и минимализм! До чего же они его раздражают! Вот у Вики всюду цветы в горшках, вазочки, какие-то мягкие собачки, а на стенах – панно с инкрустацией и картины с водопадами. На кресла брошены

яркие тряпочки, на низенький столик – колечки, цепочки, щетки для волос, разноцветные тюбики помады. Сразу ощущаешь присутствие в доме женщины. А у этой! Белые голые стены. Телевизор, компьютер, диски, книги да журналы. Как можно так жить? Как в офисе! Как в библиотеке! Не собираясь ничего ни слушать, ни смотреть, он от нечего делать включил компьютер. На рабочем столе красовался самолет совершенно новых, обтекаемых форм. Ну и баба! Нет чтобы цветочки поместить на экране или кошечек в корзинке. Раздраженный самолетом Башлачев как раз выключил компьютер, когда в дверь позвонили. Из ванной раздавался только шум льющейся воды. Петр Николаевич решил, что не случится ничего плохого, если он откроет дверь. Не Вика же там, в самом деле!

Это действительно была не Вика. Это была тучная расплывшаяся почтальонка.

– Белозерова Алла Константиновна здесь живет? – спросила она.

– Здесь, только она в душе, моется, – ответил Башлачев.

– Тогда вы распишитесь. Заказное письмо. – Почтальонка сунула ему под нос бумажку с ручкой.

Башлачев взял письмо и с удовольствием расписался недавно выработанной начальнической росписью с гнутой верхней перекладной заглавной Б и решительным росчерком в конце. После ухода женщины, которая погрозила ему пальцем и, перейдя на «ты», строго сказала: «Смотри, пере-

дай!», Петр Николаевич вернулся в комнату и посмотрел на обратный адрес. Киев. Украина. До востребования. Николай Щербань. Интересно, что это за «самостийный» мужик! Явно не родственник, раз до востребования! Наверняка любовник! Переписываются на почтовое отделение, чтобы жена не застукала! Ловкачи!

Петр Николаевич положил письмо рядом с компьютером и подошел к окну, чтобы обозреть окрестности. Ничего хорошего, кроме домов на противоположной стороне улицы, он не увидел и почувствовал, что здорово разозлился. Если бы он узнал, что его Вике приходят подобные конвертики, он ее убил бы. Именно убил! Башлачев решительно вернулся к компьютеру, жадными руками схватил конверт и надорвал бумагу. Нечего церемониться с этой бабой, у которой любовники по всему СНГ. Он всего лишь стоит на страже обманутой украинской жены Николая Щербаня.

Петр Николаевич вытащил из конверта завернутые в тонкую бумагу фотографии. Сняв с них обертку, он, не удержавшись, присвистнул. На фотографиях в самых откровенных позах была изображена молодая хорошенькая и совершенно обнаженная девушка. Тело было худеньким, но все равно роскошным: с красивой грудью, тонкой талией и плавным переходом к стройным бедрам. Глаза девчушки были широко распахнуты, то ли оттого, что она позировала в таком виде впервые, то ли оттого, что фотограф тоже находился в неглиже, смущая ее, а может, даже и возбуждая. Во вся-

ком случае, сам Петр Николаевич уже почувствовал прилив крови к определенному месту. Он заглянул в конверт, чтобы найти какую-нибудь сопроводительную записку, но ее там не было. Башлачев оглядел пол, не выронил ли он письмо случайно. Нет. Щербань прислал только фотографии. Петр Николаевич еще раз взгляделся в девушку и опять присвистнул. Ба! Да это ж Белозерова! Точно, Алка! В юности! Натуральная проститутка! С детства, значит, промышляет... А он-то, дурак, на цветочки тратился! А все оказывается просто! То-то она без всяких церемоний пригласила его к себе! Может, наведаться к ней прямо в душ? Башлачев аж переступил в нетерпении с ноги на ногу, но тут наконец из ванной перестал доноситься звук льющейся воды. Петр Николаевич представил, как Белозерова сейчас вытирает полотенцем свое, ставшее наверняка еще более роскошным, тело, и почувствовал, как у него пересохли губы. Выстрелом раздался звук отодвинутой дверной защелки, и Башлачев кинулся к своей брошенной на кресло куртке. Он запихал во внутренний карман фотографии и сел рядом, положив чуть подрагивающую правую ногу на прилично трясущуюся левую.

Алла вошла в комнату не в распахнутом халате, как того ожидал Петр Николаевич, а в застегнутом доверху на «молнию» темно-синем тренировочном костюме. Башлачев представил, как дергает за язычок эту «молнию», куртка распахивается, и в его ладони спелыми яблоками падают еще более созревшие со времен тех фотографий груди Белозеро-

вой. Он вынужден был поерзать на кресле, чтобы хоть как-то утихомирить чересчур возбуждившийся организм.

– Извини, Петя, – сказала она. – Я тебя предупреждала, что совершенно не выношу иномарок. Но сейчас уже все в порядке. Через десять минут я все приготовлю. У меня есть курица-гриль, ее только разогреть. – Она с удивлением посмотрела на него и спросила: – А ты так и просидел все это время в кресле? Почему ничего не слушаешь? – Алла подошла к полочке с кассетами. – Давай я тебе все-таки что-нибудь поставлю. Что ты любишь?

Башлачев находился в таком состоянии, что вспомнить не смог бы даже «В лесу родилась елочка», а потому сказал:

– На твое усмотрение...

– Тогда я тебе поставлю Ванессу Мей. «Шторм», – сказала Алла. – Сейчас все балдеют от этой музыки.

Она ушла в кухню, а Башлачев остался «балдеть». Он почти не слушал модную Ванессу, потому что терзался сложным вопросом: броситься на Белозерову сию же минуту или все-таки отведать курицу-гриль? В конце концов голод, который уже вовсю давал о себе знать после рабочего дня, пересилил голод сексуальный.

Курица была очень ничего себе, но Петр Николаевич сразу понял, что Алла не готовила ее сама, а купила в магазине. Все закуски тоже были куплены готовыми и тоже оказались вполне приличными на вкус. Башлачев даже подумал, что напрасно Вика часами простаивает на кухне перед прие-

мом гостей, когда вполне можно поступать подобным же образом. Белозерова угощала его коньяком, но сама не пила.

– Почему? – спросил ее Петр Николаевич.

– Не пью – и все! – не пожелала обсуждать этот вопрос Алла.

Башлачев только недоуменно пожал плечами. Сам он уже был хорошо подшофе, по телу разливалось приятное тепло, Ванесса пиликала на своей скрипке нечто очень эротическое, и дело оставалось за малым: сообразить, каким образом лучше приступить к штурму вожделенного тела. Петр Николаевич вспомнил фотографии, лежащие во внутреннем кармане его куртки, укрепился духом и решил особенно не мудрствовать. Он встал со своего кресла, обошел столик, за которым они сидели, и приблизился к Алле, чтобы запечатлеть на ее шее долгий, как пассаж Ванессы Мей, поцелуй. Белозерова отклонилась и с ласковой улыбкой спросила:

– Чего ты хочешь, Петя?

– Ну... это... самое... – ответил он, игриво поводя плечами.

– Да? – еще шире улыбнулась Белозерова. – Это можно. Раздевайся.

– Как раздевайся? – Башлачев удивился так, будто она предложила ему перед занятием любовью надеть тулуп, валенки и завязать под подбородком тесемки шапки-ушанки.

– А разве ты можешь не раздеваясь? – Алла смотрела на него самыми невинными глазами.

Петр Николаевич, разумеется, мог. Ему всего-то и надо – кое-что расстегнуть. Раздеваться как раз должна она.

– Ну... я не знаю... – замямлил он, даже слегка протрезвев. – Может, не здесь... Тут курица... и все такое...

– Курица тебя не тронет, она мертвая, – совершенно серьезно сказала Белозерова. – К тому же мы ее почти всю съели. Раздевайся.

– М-может... т-ты... сначала... – начал заикаться Башлачев.

– Как скажешь, Петя, – согласилась Алла и вместо него дернула за язычок свою «молнию». Куртка распахнулась, и перед глазами Петра Николаевича появилась обнаженная грудь Белозеровой, столь же прекрасная, как в его мечтах и на фотографиях. Алла, совершенно не смущаясь, посмотрела ему в глаза и резко сказала: – А теперь ты.

Башлачев вздрогнул и стал раздеваться, как в кабинете у врача, складывая одежду ровной стопочкой, а Алла только командовала:

– Дальше. Дальше.

Оставшись в одних рябеньких плавках и стесняясь повисшего над ними молочного животика, а также по-женски покатых плеч и веснушек на груди, Петр Николаевич окончательно протрезвел и, окинув взглядом комнату, в которой не было спальных мест, с надеждой спросил:

– Может... это... того... в спальню... пойдем?

– А зачем? Что мы, закоснелая супружеская пара? А на

столе тебе не слабо? – И она принялась составлять на пол тарелки с остатками трапезы.

На столе Башлачев никогда не пробовал, хотя именно об этом не раз мечтал, разглядывая глянцевые фотографии в любимом мужском журнале «Пингвин». Когда столешница засияла гладкой освобожденной поверхностью, Алла спросила:

– Ну как, Петя, ты готов?

– Вроде... – промямлил Башлачев.

– Что-то не заметно, – усмехнулась она. – Снимай трусы, поглядим.

– Зачем? – очень сильно, до испарины, испугался Петр Николаевич.

– Проверим готовность. – И, не дожидаясь ответных действий с его стороны, Белозерова подошла вплотную, сдернула вниз его рябенькое нижнее белье и разочарованно протянула: – Ну-у-у... Петя... Что такое? Это же не рабочий инструмент, а какая-то... съезжившаяся куриная шея.

Потрясенный Петр Николаевич опустил вниз глаза и мысленно согласился с предложенным определением. Краска унижения залила не только его лицо. Она поползла вниз по шее, по веснушчатой груди, дойдя чуть ли не до «куриной шеи». Да... Подобная обстановка его явно не бодрила. Он был большим ходок по женщинам, но раздеваться перед их глазами догола, как на советской военно-призывной медицинской комиссии, ему еще ни разу не случалось. Все все-

гда происходило быстро и споро. В крайнем случае, он снимал только брюки, а уж женщин раздевал, как хотел, или они сами услужливо раздевались. Что же эта... шлюха себе позволяет? Вон как позировала перед фотографом, только что наизнанку не выворачивалась! Ему очень хотелось с презрением и гадкими матерными словами бросить Алле в лицо фотографии, присланные Николаем Щербанем, но он сдержал свой порыв. Им, фотографиям, найдется лучшее применение! Погоди, Алла Константиновна, то ли еще будет! Он почувствовал, как к горлу на смену унижению подкатывает лютая злоба. Лицо его перекосило, и он, не натягивая трусов, пошел на Белозерову.

– Не нравится, значит! – проревел он. – А ты постарайся, чтобы «инструмент» пришел в боевую готовность! Знаешь, поди, что надо делать!

Он так разозлился, что собрался изнасиловать ее в назидание. Все-таки он сильный, здоровый мужчина и запросто справится с глупой бабой. Она еще пожалеет, что нарвалась! Он сейчас отделает ее по первое число и всеми известными ему способами! Эта мысль до того взбодрила Петра Николаевича, что «куриная шея» сама собой начала выправляться. Наблюдая за этим процессом, Белозерова так звонко расхохоталась, что Башлачев приостановился.

– Не собрался ли ты, Петя, меня насиловать? – сквозь смех спросила она. – Имей в виду, я не позволю. У вас очень болезненное причинное место, поэтому побереги его лучше! В

другой момент может очень даже пригодиться!

Алла встала перед ним по-прежнему с обнаженной грудью, совершенно не стесняясь и не выражая ни малейшего испуга. И Башлачев вдруг сдулся, как воздушный шарик. Он натянул трусы, быстро оделся и, застегнув на последнюю пуговицу пиджак, с угрозой сказал:

– Ты еще пожалеешь...

Алла не посчитала нужным ответить, а Петр Николаевич схватил куртку с компроматом на нее и стремительно покинул поле проигранной им битвы. Пока проигранной, как он очень надеялся. На одном только этапе.

Когда за Башлачевым захлопнулась дверь, Алла в изнеможении опустилась на диван. Что ж! Все ясно. Цветочки в гофрированной бумаге, предложенное к совместному посещению кафе «Пируэт» – все это звенья одной цепи. Вот, значит, на каком фронте Петр Николаевич решил развернуть военные действия! Как и все мужчины, уверенный в своей сексуальной неотразимости, он, похоже, решил, что изобрел нечто новое в деле завлечения в свои сети неприступных капризниц. Все это Алла уже проходила: все эти ладони на коленях, на плечах, на запястьях и доверительный интимный шепот. Глупец! Он даже не может предположить, насколько стоек ее иммунитет против подобных действий...

Когда Алла училась на третьем курсе политеха, очень страшный предмет под названием «Сопrotивление матери-

алов», больше известный в определенных кругах как «Сопромат», вел у них Стефан Бедросович Тонев, очевидно, чех или болгарин по происхождению. Он был небольшого роста, плотно сложенным мужичком, обожающим светлые пиджаки и белоснежные рубашки. На его смуглом лице поражали воображение карие глаза. Они были до того огромны и так широко распахнуты, что коричневому зрачку, чтобы ненароком не затеряться в них, оставалось только прилепиться куда-то под верхнее веко, оставив под собой достаточно широкое и свободное молочно-белое пространство. Из-за этого казалось, что глаза Тонева все время возведены к небу в некоем подобии молитвенного экстаза. Впечатление, впрочем, тут же разрушал тонкий крючковатый нос и слишком наполненные малиновой кровью губы. Стефан Бедросович обожал хороших студентов. В Аллиной группе, где было всего пять девушек, его особенно привлекали две: Алла Белозерова, яркая брюнетка, и Галочка Верховцева, томная натуральная блондинка с завитыми в тугие кольца кудрями. Свои лекции Тонев читал только для них двоих, не отвлекаясь и не обращая внимания на других студентов и студенток. Однокурсникам это было на руку, поскольку они могли себе позволить на его лекциях заниматься чем-нибудь более в тот момент для них насущным.

Алла с легкостью строила эпюры, решала задачи и потому Стефана не боялась. Галочка дрожала на лекциях и практических занятиях осиновым листом и с ужасом ждала эк-

замена, который преподаватель принимал у каждого студента отдельно. Особо не мучил, принимал довольно быстро, но – один на один. Когда Галочка наконец дождалась экзамена, зайти в кабинет к Тонееву ей довелось как раз перед Аллой. Провела она там неожиданно много времени, вылетела красная, распаренная, с вылезшей из юбки блузкой и с «пятеркой» в зачетке. Алла застала Стефана в кабинете тоже раздумывавшегося, с прилично приспущенным полосатым галстуком и необыкновенно живым блеском в глазах. Он со своими яркими губами напомнил Алле вампира, только что от души полакомившегося Галочкиной кровью.

Она вытащила билет. Тонев показал рукой на стул, стоявший к нему слишком близко. Когда Алла с опаской села на его краешек, Стефан поморщился и велел устраиваться поудобнее без всяческого стеснения, потому что разговор у них будет долгим. Это несколько испугало Аллу, но не настолько, чтобы бежать от него куда глаза глядят. Преподаватель сразу задал ей несколько вопросов по билету, и девушка поняла, насколько прекрасно знает он свой предмет. Он не давал времени на подготовку. Ему не нужны были пространственные речи студентов и выразительное чтение с мелко исписанного в каждой строчке листка в клеточку. С помощью двух-трех точных вопросов он мгновенно уяснял себе, кто чего стоит. Алла Белозерова во всех отношениях стоила дорого. Стефан дал ей задачу и приступил к тому, о чем мечтал целый учебный семестр. Его воздержание должно было быть

наконец вознаграждено. Начал он с того, что по-отечески положил Алле руку на плечо, будто бы для того, чтобы быть поближе к решению задачи. Потом его рука как бы ненароком съехала на талию, а потом на ягодицы. Алла заерзала на стуле, пытаясь освободиться от обжигающей даже через одежду ладони, но не тут-то было. Рука преподавателя крепко вцепилась в ее бедро, а другая смело полезла под юбку с другой стороны. Алла повернула голову, чтобы посмотреть Стефану в глаза. Они закатились вверх более обыкновенного и не выражали ничего человеческого. Только гнусное вампирское вожеление. Ей показалось, что еще чуть-чуть, и из уголка его рта потечет отвратительная красная слюна. Если бы Стефан мог знать, на кого покусился, то был бы более бдительным и осторожным. Алла давно умела терпеть и выжидать. Она дождалась, когда рука преподавателя забралась настолько глубоко в колготки и трусы, чтобы ее непросто было оттуда вмиг вытащить, и закричала так страшно и оглушительно, что в кабинет мгновенно ворвались испуганные однокурсники. Скандал был невероятный. Вмешались родители. Показания против Вампира-Тонева давал чуть ли не весь институт. Его хотели с позором изгнать из старейшего, тогда еще Ленинградского, вуза, но он, страшно унижаясь, упросил, чтобы ему позволили уволиться по собственному желанию. Памятуя о том, скольких классных сопроматчиков мужского пола выпестовал Стефан Бедросович, ректорат решил пойти ему на уступки.

Петр, значит, собирался отыгаться на ней в стиле Стефана Бедросовича. И конечно же, за то, что недавно произошло в кабинете директора их института. А что, собственно, такого ужасного произошло? Она всего лишь сказала правду. Алла вспомнила тот день, когда решалась ее судьба, до мельчайших подробностей...

В тот день Алла Константиновна Белозерова, руководитель группы одного из отделов Научно-исследовательского института общего машиностроения, решила, что должна выглядеть на все сто. Она специально встала пораньше, чтобы не спеша привести себя в должный вид. Сначала она вымыла голову и высушила волосы феном, одновременно оттягивая их, чтобы стильная геометрическая стрижка лежала идеально. Не должно быть ни одного колечка, ни одной волны. Только строгие прямые линии. После того как волосы улеглись вороненым шлемом, Алла приступила к глазам. На веки – немного бежевых теней разного оттенка, чтобы глаза казались в легкой дымке. Тушь для ресниц – очень дорогая, зато каждая ресничка, вытянутая ею вверх, живет своей отдельной жизнью. Никаких «лапок паучка»! Ни одного комочка! Никаких черных точек под глазами! На кожу – ровный бежевый тон, на порядок светлее теней. Помада – кораллово-коричневая, без вульгарного перламутра и сексапильного мокрого блеска. И никаких духов. Алле не нужно, чтобы на запах слетались всяческие «насекомые» и роились вокруг нее.

Выйдя из ванной, Алла направилась к дивану, на котором был разложен черный брючный костюм выверенных, вытянутых форм и строгая белая блузка. Довершали туалет туфли-лодочки, тоже черные, без всяких украшений и такая же изысканная в своей простоте сумка на тонком длинном ремешке. Стил – облегченный унисекс, с легким уклоном в ненавязчивую женственность. Алла надела на пальцы пару тонких серебряных колец, в уши вставила крошечные сережки-пусетты и осталась вполне довольна собой. Все сделано, как надо: строго и изысканно. Ничего лишнего, круглого, мягкого и слащавого. Именно так она выглядела всегда, а сегодня ей особенно важно чувствовать себя сильной, строгой и собранной. Сегодня в кабинете их директора будет решаться ее судьба. Месяц назад освободилось место начальника одного из отделов, и Алла сама выдвинула на эту должность свою кандидатуру. Конкурент у нее только один – Петр Николаевич Башлачев. Формально силы у них абсолютно равны: оба работали в институте с юности, оба были распределены с одного факультета политеха, оба кандидаты технических наук, тридцати восьми лет от роду. Алла считала, что у нее есть даже некоторое преимущество перед Башлачевым, потому что она уже несколько раз замещала престарелого, а потому болезненного начальника этого отдела, который в конце концов так и не смог оправиться и подал в отставку. На самом деле Алла была уверена, что преимуществ у нее гораздо больше: Башлачев был недалеким и ограниченным

человеком, его диссертация была всего лишь компиляцией из десятков чужих. Это прекрасно знал и директор института, и те люди, которые в случае назначения Петра Николаевича начальником отдела могли оказаться у него в подчинении.

Башлачев явился в приемную директора тоже при полном параде, но Алла видела, что ему несколько не хватает вкуса: галстук не подходит по тону к рубашке, пиджак на спине морщит, а туфли не слишком тщательно вычищены. Конечно, к должности начальника отдела это не имело никакого отношения, но все же боссы, по мнению Аллы, должны быть образцом во всем.

То, что произошло в кабинете директора НИИ, Аллу не удивило, хотя она очень хотела получить новую должность. Начальником отдела без всяких объяснений был назначен Петр Николаевич Башлачев. Собственно, объяснения Алле и не были нужны. Все предельно ясно и так. Главное преимущество Башлачева состояло в том, что он был мужчиной. Алле предложили должность руководителя одной из групп отдела Петра Николаевича.

– Я и так руководитель группы, – напомнила начальнику НИИ Алла на тот случай, если он вдруг забыл.

– Но группа в отделе Башлачева состоит из значительно большего числа сотрудников, потому и ответственность больше, и, естественно, зарплата, – терпеливо объяснил ей директор. – Кроме того, на первых порах вы подстрахуете

Петра Николаевича и поможете ему.

– Если бы вы назначили на эту должность меня, то я обошлась бы без помощи Башлачева, и вы это прекрасно знаете, – очень спокойно сказала Алла, не давая ни одной отрицательной эмоции обезобразить ее прекрасное лицо.

Петр Николаевич владел собой гораздо хуже, а потому выпустил на лицо все эмоции, которые при этом заявлении Аллы тут же взбудоражили его организм. Оно, его лицо, покраснело, а рот слегка съехал набок, в одну линию с уже давно съехавшим на сторону галстуком.

– Правильно ли я понимаю, что вы отказываетесь? – на всякий случай спросил Аллу директор НИИ.

– Правильно, – согласилась Алла.

Директор, который давно уже все решил, вступать в дискуссию намерен не был и ненавязчиво дал всем понять, что аудиенция окончена именно на этом этапе.

– Ну и зачем ты это сказала? – набросился на Аллу Башлачев, едва они вышли из директорского кабинета.

– Я сказала то, что думаю, – ответила она и с сожалением окинула взглядом покрасневшее от негодования и натуги лицо Петра Николаевича.

– А кого интересует твое мнение? – окончательно вышел из себя новоиспеченный начальник отдела.

– Не груби мне, Петя. Тебе ведь сегодня же придется прийти ко мне за помощью. А что будет, если я ее тебе не окажу?

Она не стала ждать ответа Башлачева, повернулась к нему спиной и пошла к своему отделу, который имел не слишком много сотрудников и должность руководителя группы в котором гораздо хуже оплачивалась.

Весь рабочий день Алла старалась держать себя в руках и никому ничем не выдать раздирающей душу досады. Она гнала от себя любые мысли, кроме тех, которые непосредственно были связаны с ее должностными обязанностями. Как она и предсказывала, Башлачев три раза присылал к ней сотрудников за всякого рода справками. Алла не отказывала в консультации. Пока. Пока она еще все не обдумала. Сейчас она слишком взвинчена. В таком состоянии не стоит принимать серьезных решений. Вот закончится рабочий день, и тогда она все случившееся обдумает еще раз.

После работы Алла отправилась в кафе «У Никифора». Оно являлось собственностью ее одноклассника Лехи Никифорова, где для нее всегда был готов маленький столик у окна. В отсутствие Аллы на этом столике всегда стояла большая декоративная ваза, и посетители на него никогда не покушались.

– Привет! – улыбаясь, сказала Алла и чмокнула Леху в небритую по последней моде щеку. Перед трапезой она всегда сначала заходила к нему в кабинет для приветствия и легкого, ни к чему не обязывающего трепа. – Как бизнес?

– Процветает, – дежурно ответил Леха и восхищенно оглядел бывшую одноклассницу. – А ты все такая же!

– Какая? – спросила Алла. Леха был настоящим другом и единственным человеком, комплименты которого она любила слушать.

– Идеальная.

– Это плохо? – Алла почувствовала в словах Никифорова ноты сочувствия.

– Даже не знаю, – пожал плечами он. – Честно говоря, я мечтаю когда-нибудь увидеть, как из твоей прически выбьется прядь, или размажется помада, или... – он взял в свою огромную ладонь ее узкую кисть, – или сломается вот этот чудный перламутровый ноготок.

– Не дожدهшься, – усмехнулась Алла и выдернула из его руки свою.

– Как всегда? – сменил тему Леха.

– Пожалуй, сегодня кофе двойной.

– Хорошо, я скажу. Иди. Вазу сейчас уберут.

Алла села спиной к залу, лицом к окну. Леха Никифоров больше не докучал ей. Он знал, что она приходит к нему не в лучшие часы своей жизни.

Алла постаралась с удовольствием, без отягощающих процесс дум, съесть салат из свежей капусты с пряностями, а потом решительно отложила вилку. Все! Форс, которую она дала себе, вышла. Пора вернуться к собственным баранам. Итак! Очередной раз женщина была поставлена на место, строго определенное ей в обществе мужчинами, а именно:

сзади и чуть-чуть ниже. Это отвратительно, но далеко не ново, и потому подумать стоит о другом. Первое! Переживать и нервничать не стоит, поскольку назначение Башлачева уже произошло. Изменить ничего нельзя, а значит, стоит принять обстоятельства такими, каковы они есть. Минусы всего этого ясны. Каковы плюсы? Плюс один, но стоит, пожалуй, парочки минусов: она осталась в своем отделе с сотрудниками, которых знает уже много лет и которым доверяет. Второе! Несмотря на свое кандидатство, Петр Николаевич является человеком неумным, недалеким и недальновидным. Скорее всего, он не справится с руководством отдела, и надо ему в этом помочь. Нет, она не будет отказывать ему в консультациях. Она будет давать их в такой двусмысленной форме, что Башлачеву придется здорово подумать, прежде чем принять единственно правильное решение. Алла была уверена, что принять это единственно правильное решение Петр Николаевич сможет только в одном случае из десяти.

Рыба под польским соусом «У Никифора» была отменная. Алле всегда приносили ее вместе с красиво нарезанным лимоном в маленькой розетке. Что ж, теперь, когда она выработала свою линию поведения как минимум на ближайший месяц, пожалуй, можно с чувством приняться и за рыбу. Вкусно. Как всегда. Нигде ее так не готовят.

Официант Эдик принес Алле большую чашку кофе и опять, как всегда, просительно заглянул в глаза. Он уже несколько раз предлагал ей встретиться за пределами кафе

«У Никифора» и неизменно получал отказ. Вот и сейчас, улыбаясь лишь кончиками губ, как Мона Лиза, Алла отрицательно покачала головой. Эдик в ответ тоже улыбнулся, смущенно и привычно, что в словесном выражении означало: «Ну что ж... Подожду еще...» Она расплатилась с официантом, с некоторым презрением посмотрела в его глубокие янтарно-карие глаза и отправилась домой гораздо в более спокойном состоянии, нежели том, в котором она пришла к Лехе в кафе.

Теперь Алла понимала, что после только что случившегося между ней и Башлачевым ей стоит внести некоторые коррективы в выработанную в кафе «У Никифора» тактику. Если сегодня Петр только собирался взять над ней верх как над женщиной, то теперь наверняка захочет отомстить по полной программе. Не зря же он бросил ей: «Ты еще пожалеешь...» Она собиралась на службе подставить Петра своими двусмысленными рекомендациями. А зачем? Что из этого может выйти хорошего? Ничего! Что выйдет хорошего из сегодняшнего башлачевского унижения? Опять-таки ничего! Ее можно поздравить с приобретением еще одного врага. А на что он ей? У нее и так полна коллекция! Может, стоило все же с Петей переспать? А вдруг он, туповатый тугодум, хорош в постели? Алла скривилась. Нет! Только не это!

Она так глубоко задумалась, что не сразу сообразила, что назойливый звук, уже несколько минут раздражающий ее слух, является телефонным звонком. Она сняла трубку. Зво-

нил тот, кого она звала Некто Макс и которого сейчас совершенно не хотела бы слышать.

– Как же я вас всех ненавижу! – вместо приветствия выплюнула ему свое раздражение Алла.

– Ну... это уже не ново и, честно говоря, надоело, – отозвался он. – Давай-ка я к тебе приеду и докажу, что нас можно хотя бы... терпеть, а?

Алла хотела сказать ему что-нибудь грубое и уничтожающее, но выдавила только:

– Не сегодня, Макс.

Она положила трубку, застегнула наконец «молнию» на куртке, еще раз бросила в пространство: «Как же я вас всех ненавижу!» – и уставилась в свою белую пустую стену. Кроме этой стены, в мире нет ничего белого и чистого. Всё и все отвратительны. И она, Алла, не лучше. Она вдруг ощутила себя страшно усталой и старой по-черепашьи. Эдакая трехсот-летняя Тортила. Она все уже знает, все видела, все слышала, все может представить и даже предсказать. Она просчитывает на два хода вперед все поступки и мужчин, и женщин. Ей нечего ждать и не на что надеяться. Ей скучно. Она даже стала меньше читать, потому что нутром чувствовала, чем должна кончиться та или иная повесть. Ей самой уже впору писать книги и учить жизни неразумных Буратин. Как ей все надоело! Она даже не Тортила. Она старая-старая, древняя сова! Ей пора улетать...

У Аллы Константиновны Белозеровой был свой, особый, счет к мужчинам. Вела она его давно, чуть ли не с детского сада. Во всяком случае, она до сих пор хорошо помнила, как, будучи воспитанницей всего лишь средней группы, подралась со щупленьким мальчиком по имени Костик Лютиков. Причина драки была ею благополучно забыта. Не забывалось другое. Аллу тогда долго стыдили и ругали, говорили, что она никогда не должна так поступать, потому что она девочка. Костика ругали гораздо меньше, если не сказать – почти совсем не ругали, потому что считалось, что мальчики имеют право драться по определению. Когда за Аллой пришла мама, воспитательница выскочила к ней с выпученными глазами и пеной у рта. Она рассказала о происшедшем с таким пафосом, будто маленькая Алла подкралась к Костику из-за угла и задушила его специально припасенной для этого случая удавкой. «Она же девочка! – восклицала воспитательница, всплескивая руками. – Девочка! Вы понимаете?» Мама так яростно кивала, будто до этого ей казалось, что Алла – мальчик, а теперь она очень обрадовалась, что все наконец встало на свои места. Дома специальную разъяснительную беседу с Аллой провел еще и папа. В ней он так долго развивал тему о созидательном предназначении женщины, что нечаянно соскользнул на любовь и материнство, где и был предусмотрительно остановлен бдительной мамой. Тогда Алла восприняла такой оголтелый мужской шовинизм как должное. Она тогда еще верила взрослым, была девочкой

послушной и больше не дралась с мальчиками. Тогда еще на ее нежном лбу лежали кудряшки, а губки все время складывались в улыбку восхищения миром, в котором Костики Лютиковы пока еще нечасто досаждали ей. Сейчас же взрослая Алла Белозерова считала, что мальчиков с детства специально провоцируют на агрессию: покупают автоматы, пистолеты, целые армии солдатиков, милитаризованные компьютерные игры, а потом удивляются, откуда берутся плохие дяденьки-террористы. А им ведь надо где-то оттачивать полученные в игре навыки. Алла всегда улыбалась этим своим пацифистским и тоже весьма не новым в этом мире мыслям. Уж она-то не пацифистка. Она амазонка, воительница с отдельными индивидуумами огромной армии мужчин. Костик Лютиков был первым, с кем ей пришлось схлестнуться, и она тогда думала, что последним. Еще бы! Она ведь не собиралась больше драться, она собиралась только созидать! Тогда она еще не догадывалась, что в очереди за Лютиковым уже толпятся следующие Костики и в нетерпении переминаются с ноги на ногу.

Вторым в очереди за Костиком Лютиковым стоял Митенька Петраков, в которого Алла была самым страшным образом влюблена в седьмом классе вплоть до того момента, пока на уроке литературы им не довелось изучить, исследовать и препарировать бессмертное творение Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка». Учительница задала Митеньке сакраментальный вопрос, почему Петруша

Гринев не смог оставить Машу в крепости, в руках Швабрина, до того момента, пока превосходящие силы войск императрицы не освободят ее вместе с крепостью. Генерал, с которым Петруша обсуждал этот вопрос, не находил ничего страшного в том, что капитанская дочка немножечко побудет женой Швабрина. Все равно его потом вздернут и Маша достанется тому, кому положено, как переходящий кубок. Гринев же почему-то генерала послушался и нарушил воинскую присягу. Митенька Петраков думал недолго: всего пару секунд. Он сказал: «А как же право первой брачной ночи?», и Алла сразу же утратила к нему всяческий интерес и даже почувствовала что-то вроде жалости. Петр Гринев не мог оставить Машу Швабрину, потому что знал, что это для нее хуже смерти, а Митенька вдруг выступил с каким-то нелепым правом. Конечно, бедному Петракову после урока пришлось здорово пострадать за выше означенное право. Но это скорее правило, чем исключение. Чтобы утвердиться в любых правах, людям всю жизнь приходилось страдать, строить баррикады, устраивать революции и даже организовывать войны. Митенькина революция стоила ему вызова в кабинет директора в паре с Петраковым-старшим, который, как рассказывали потом особо посвященные и просто знатоки подобных процессов, выдрал его как сидорову козу. Став взрослой, Алла поняла, что Митенька пострадал за правду, а Петраков-старший драл сына не за убеждения, а за неуместность и несвоевременность их провозглашения.

А Алла уже в седьмом классе сделала вывод, что для мужчин очень важно право первенства над женщиной в любом вопросе, а в интимном – особенно. Она тогда еще не знала двойной морали общества на тот счет, что мужчине до брака можно все, а женщине – «ни-ни» и «не приведи господи», но Митеньку она разлюбила раз и навсегда. Он еще долго пытался наладить с Аллой былые отношения и никак не мог понять, что вдруг на нее нашло, но она не желала с ним ничего обсуждать и вплоть до выпуска из школы называла только Правозащитником. Сейчас, уже давно утратив интерес ко всему первому, Алла целиком и полностью разделяла мнение одной из модных писательниц, которая утверждала, что девочек надо лишать девственности сразу в роддоме, чтобы навсегда избавить их и общество от одной из самых циничных проблем на свете. Чтобы мальчики даже в голове не держали идею первенства. Но тогда Алла была уверена, что с Митенькой ей просто не повезло и прекрасные самоотверженные принцы-бессребреники будут еще пастись на ее пути стадами, а ей останется только выбирать из лучших самого достойного. На ее лбу по-прежнему еще кудрявились тонкие прядки, а глаза доверчиво смотрели на каждого проходящего мимо молодого человека. Не ты ли это, прекрасный принц, который с алыми парусами?

Поступив на первый курс института, Алла изо всех сил пыталась привлечь к себе внимание Юры Зосимова, который поразил ее воображение еще на вступительных экзаменах.

нах. Юра был молодым человеком знойного южного типа. До этого подобную красоту Алла имела счастье видеть только в редких в те времена зарубежных фильмах стран Латинской Америки. До Юры все знакомые ей молодые люди, если не считать еврейского пай-мальчика Осика Ивкина, были русыми, разного тона и насыщенности, рыжими или, в крайнем случае, темными шатенами. Юра имел шапку антрацитово-черных волос и огромные коровьи глаза навывкате, карие и грустные. Надо сказать, что осаждать сию цитадель Алле пришлось недолго. Юра пал практически без боя после того, как она несколько раз призывно на него посмотрела. Они как раз целовались в сквере за институтом, когда из-за кустов выпорхнула женщина преклонных, как тогда показалось Алле, лет и летучей мышью вцепилась ей в волосы. Алла, разумеется, решила, что женщина обозналась. Она наверняка была женой одного из престарелых преподав их института и, скорее всего, караулила в кустах своего блудного мужа, на которого Юра, к несчастью, оказался похожим. Зосимов Аллу не разубеждал, отцепил от ее волос когти Летучей Мыши, что-то злобное шепнул ей в ухо, и они довольно-таки позорно ретировались с поля брани. Но и дальше, как только Алла с Юрой пристраивались в каком-нибудь укромном месте с поцелуями, из-за разного рода укрытий мгновенно вылетала все та же Летучая Мышь. Поскольку в Петербурге имеют место быть белые ночи, довольно скоро Алла разглядела мышинное лицо, несвежее и помятое, с нарисованными

на абсолютно пустых местах бровями и губами, а также травленые перекисью волосы и мини-юбку, обнажающую толстые ноги с набухшими венами.

– Кем является данная Мышь? – в конце концов спросила Зосимова Алла, справедливо полагая, что если рядом с ними уже нет спасительных стен института, то уповать на блудливого преподавателя не имеет особого смысла.

– Да так... – неопределенно махнул рукой Юра. – Одна знакомая...

– И чего ей надо?

– Понятия не имею.

– Врешь, – констатировала Алла.

Ничего вразумительного Зосимов ей тогда не ответил. Алла потерпела налеты Мыши еще некоторое время из тех соображений, что Юра очень здорово целовался и даже умудрился найти на ее теле некоторые особо чувствительные точки, о существовании которых она и не подозревала, поскольку средства массовой информации об их наличии на человеческом теле тогда стыдливо умалчивали. Но когда Мышь налетела на нее в универсаме, где Алла в отсутствии Зосимова покупала хлеб и «Докторскую» колбасу, и стала привлекать к ней внимание покупателей криками о том, что она увела у нее мужа, Аллино терпение лопнуло. Она провела собственную разведывательную акцию и выяснила следующие не слишком привлекательные обстоятельства. Летучая Мышь оказалась первой женщиной Юры Зосимова, с кото-

рой он обучался азам интимных отношений. Вероятно, он готовил себя к той самой первой брачной ночи, на которую всякий мужчина имеет неоспоримые права. Мыши к тому времени было уже за сорок, она являлась бездетной вдовой со стажем и в лице Юры Зосимова намеревалась получить в полное владение мужа и сына в одном флаконе. И она не собиралась дарить сей флакон молокососке, у которой впереди может быть еще очень большое количество разного рода Юр. Мышь видела главное зло в Алле и, ослепленная своим чувством, даже не подозревала, что являлась для Зосимова не женщиной, а тренажером и бесплатным учебным пособием по российской Камасутре. Алла дала Юре прозвище Практикант и отказала ему в совершенствовании и оттачивании навыков, полученных в тесном общении с Летучей Мышью. Но вовсе не тогда Алла сделала себе строгую геометрическую стрижку. Она только отказалась от колечек на лбу. Она стала тщательно зачесывать волосы назад, но на спине они продолжали еще лежать пушистыми волнистыми прядями. И род мужской она прокляла вовсе не тогда. Тогда она подумала, что очередной раз обозналась, по молодости и неопытности приняв оборотня за принца.

У нынешней Аллы Константиновны Белозеровой так и не было любимого человека. Она давно уже не шла на контакт с теми, кто ей его предлагал. Она периодически выходила на охоту и, повинаясь импульсу и толчку крови в сердце, отлавливала того мужчину, который ей нравился.

Ее не интересовали ни возраст, ни образование, ни социальное положение жертвы, ни наличие за плечами жен с многочисленными чадами и домочадцами. Если рыбка срывалась с крючка, Алла нисколько не огорчалась, а продолжала новые поиски. Она не плела ни интриг, ни паучьих сетей, потому что была хороша собой, и мужчины обычно соглашались на все ею предложенное. Алле ни разу не встретился ни один индивидуум, который отказался бы от нее, мотивируя любовью к жене и детям. Чаще всего отказывались, потому что спешили по делам фирмы и преимущественно на самолет или поезд дальнего следования. Но и эти, озабоченные бизнесом, отказывались не навсегда, а только на время командировки и предлагали перенести волнующую встречу на более дальний срок, чтобы по приезде или прилете – сразу с корабля да и на бал. Никакие переносы Аллу не интересовали. Подходящих ей мужчин в Питере и без этих командированных оставалось достаточное количество.

Даже мужчины, которые, как потом выяснялось, предпочитали блондинок с туповатыми лицами и крупными формами, противиться Алле были абсолютно не в состоянии. С точки зрения лиц мужского пола, отказаться от сексуальных отношений с женщиной, которая сама их предлагает, это все равно что найти на дороге сто баксов и тут же вывесить на столбе объявление: «Кто потерял?»

Связи Аллы с мужчинами были недолгими. Как сказал бы Лев Толстой, они нужны были ей исключительно для здо-

ровья. Она не влюблялась. Большая часть мужчин находила подобные отношения вполне нормальными. Они и сами так жили, всегда готовые и приступить, и отступить. Иногда старые любовники звонили ей и предлагали новые встречи, но для Аллы они были уже вчерашним днем, отработанным материалом, шлаком, и она всегда отказывалась. Некоторые, немногочисленные, мужчины влюблялись, и тут начиналось противостояние. Кто кого! Мужчины боролись с Аллой всеми возможными способами: от проявления нечеловеческой щедрости до попыток унизить неговорчивую бабу. К их щедротам Алла была равнодушна. Она не выносила букеты, потому что ножки цветов потом гнили в вазе и отвратительно пахли. Менять им воду во избежание запаха Алле было лень. Она презирала духи и прочие ароматы, поскольку считала это человеческое изобретение чем-то вроде приманки лиц противоположного пола, вроде брачного оперения птиц или пахучих желез каких-нибудь мускусных крыс. Она не курила и не носила драгоценностей из тех же соображений. У нее были только два любимых тоненьких серебряных колечка и две пары маленьких серег, которые являлись всего лишь элементом имиджа. Алла не любила сладкое, а потому коробки конфет и огромные шоколадки, которые ей дарили мужчины, обычно относила на работу. Ей не нужны были дорогие туалеты, шубы. Ее стиль был определен однажды и навсегда: черно-белая гамма (иногда допускалось что-нибудь темно-синее и серое), строгие классические ли-

нии брюк, пиджаков и юбок, темная кожа или замша верхней одежды. Косметику она всегда выбирала только сама определенной фирмы, цены и тона. Все дареное тоже раздавала женщинам на работе. Алла никогда не употребляла алкоголь даже в малых дозах, потому что с некоторых пор желала всегда иметь светлые мозги.

Таким образом, она страдала отсутствием милых женских слабостей, и ее практически нечем было купить. Она любила книги, особенно альбомы по искусству, но мужчины в большинстве своем мало читали, если не считать специальную литературу, бандитские детективы пополам со смехотворными детскими фэнтэзи, и даже не догадывались подарить ей хорошую книгу. Впрочем, их можно простить: они и не знали, какая книга является хорошей.

Унизить Аллу тоже было нельзя. Однажды, давно... она уже была унижена так, что все остальные унижения казались после этого лишь ничтожными уколами по самолюбию. Их очень легко пережить ей, научившейся терпению еще в детстве. Из того давнего унижения и выросла теперешняя Алла.

Алле было двадцать лет, когда в ее жизни появился Сергей. У нее за плечами была только школа и пара курсов института. В голове – сентиментальная мешанина, которую, как ни бились, так и не смогли развеять ни Правозащитник, ни Практикант, ни Вампир-Тонев. Она твердо верила, что на ее улице еще будет праздник в лице витязя на белом коне. Он виделся ей таким, как в старых фильмах: в блестящих до-

спехах, с глянцевыми темными волосами до плеч и пронзительным взглядом больших бархатных глаз и красивой формы яркими губами. В крайнем случае, он мог позволить себе припылить к ней по Неве на алых парусах. Тогда на нем, разумеется, вместо доспехов будет капитанская форма, а волосы – довольно коротко острижены, но глаза все равно будут темно-кариими и огромными.

Сергей приехал к Алле на автобусе. Вернее, в автобусе они ехали оба. Она сидела на последнем месте спиной к водителю, а он стоял у заднего окна и не отрывал от нее отнюдь не карих, а очень светлых серо-голубых глаз. И вообще, он весь был не того колера, какой требовался: очень светлый блондин, розовощекий и бледногубый. Неудивительно, что Алла ему отказала, когда, выйдя с ней на одной обстановке, он предложил вечером прогуляться по Ленинграду. Потом он еще несколько раз неожиданно встречался ей в самых разных местах многомиллионного города. Никаких встреч он ей больше не предлагал, но смотрел таким взглядом, что это было все равно что предлагал. В конце концов она разглядела его получше и пришла к выводу, что и светлые блондины тоже имеют право на существование. Парень был хорошего роста, широкоплечий, с густыми волосами, постриженными ежиком, и довольно симпатичным лицом. Не принцевским, а настоящим, мужским. Алла решила, что если он встретится ей опять в каком-нибудь неожиданном месте, то есть не специально ее поджидая, то это уже можно будет рассматривать

как указующий перст судьбы и даже подать ему какой-нибудь намек на то, что она пересмотрела свои позиции. Случай не заставил себя долго ждать. Парень встретился ей в аэропорту, куда Алла от скуки ездила провожать подругу, улетающую на черноморский курорт. Специально поджидать ее там он не мог, потому что она сорвалась с места спонтанно и за полчаса до выхода из дома вообще не собиралась никуда ехать. Как потом выяснилось, он тоже оказался в аэропорту случайно. Улетающая родственница попросила его помочь с вещами, которых неожиданно оказалось неподъемно много. Они столкнулись на выходе из здания аэропорта. Алла еще раздумывала, какой знак ему лучше подать, когда он сказал ей то, во что она уже и сама верила:

– По-моему, это судьба!

Сергею было двадцать семь. Он уже кое-что повидал в жизни, поездил по стране, встречался с интересными людьми и практически единственный из Аллиных знакомых мужского пола прочитал уйму книг, о которых она тогда даже не имела представления. Он шутил, что количество им прочитанного следует мерить не страницами, а погонными метрами. Разумеется, Алла слушала его, открыв рот, что долгое время ему здорово нравилось. А она влюбилась, впервые в жизни и так, что готова была ради него на костер, на плаху и в любые другие столь же приятные места.

Сергей считал себя счастливчиком. Ему всегда все удавалось. Он отлично учился в школе. С первого раза и очень

легко поступил в университет на престижную тогда специальность «ядерная физика». После университета был распределен в один сильно засекреченный «ящик», где получал весьма приличную по тем временам зарплату. Ее хватало и на книги, и на путешествия, и на девушек. Это только Алла, временно заикленная на кареглазых брюнетах, не сразу оценила привлекательность Сергея. Другие девушки понимали это мгновенно, и отбоя от них у него не было. Успеху у дамского пола способствовало еще и то, что он очень необычно и модно одевался. Его мать имела хороший вкус и прекрасно шила все, начиная от рубашек и кончая зимними куртками. Когда он добился и Аллиного расположения, жизнь окончательно стала казаться ему медом. Примерно полгода они были счастливы друг с другом. Алла готова была пожертвовать своим девичеством по его первому же требованию или предложению, но Сергей, в отличие от всех известных ей до этого представителей мужского пола, почему-то не спешил лезть к ней ни под юбку, ни хотя бы под блузку. Воспитанная на «Алых парусах», «Вешних водах» и прочих целомудренных произведениях, она от этого не страдала, а даже наоборот, была довольна его нежными поцелуями, но все-таки очень хотела за него замуж. И не из-за постельных отношений, а из-за того, чтобы он наконец полностью стал принадлежать ей и никуда от нее не уходил.

На втором полугодии их знакомства выяснилось, что при всей своей безусловной внешней привлекательности Алла до

Сергея все-таки не дотягивает. Во-первых, ей несколько не хватало интеллекта и начитанности. Во-вторых, Алла тогда была очень стеснительной девушкой и в малознакомых компаниях замыкалась и по-рыбьи молчала. Она тогда еще не понимала, что у Сергея не может быть такой странной девушки, которая забивается на вечеринках в угол и смотрит оттуда затравленным щенком. Его девушка должна быть такой же первой во всем, как и он сам. Друзья должны завидовать тому, что у него есть Алла, а не жалеть его оттого, что она не может открыть рта для обсуждения фильмов Тарковского или спектаклей, которые как раз привозил тогда в их город Московский театр имени Маяковского. Очень скоро он перестал водить ее к своим друзьям. В-третьих, в отличие от счастливого Сергея, Алла оказалась страшно невезучей. До встречи с Сергеем она этого как-то не замечала, а он, проделав определенную аналитическую работу, все как следует припомнил, просчитал и выдал ей следующее. Они два раза опоздали в кино, один раз отменили спектакль, на который они взяли билеты, один раз он забыл дома деньги, и они никак не могли расплатиться в кафе, один раз их обрызгала машина и целых три раза их штрафовали на улице за неправильный переход проезжей части. До того как Сергей начал водиться с Аллой, таких проколов у него не было. Однажды в сердцах он даже сказал ей: «На твои несчастья, милая моя, даже моего счастья не хватает!», справедливо полагая, что это она во всем виновата. Надо сказать, что после этого заяв-

ления они еще некоторое время встречались, и он все также нежно целовал Аллу, но она уже чувствовала, что назревает катастрофа. Она видела, что раздражает его всем: своим излишне восторженным взглядом, восхищением им, безграничной любовью, а главное, тем самым несоответствием, о котором было упомянуто выше. Он был лучшим из всех, а она такой, как тысячи девушек вокруг: недалекой глуповатой самкой. Его недовольство ею достигло апогея, когда он предложил поехать в пригород за малиной, и она явилась на вокзал одетой по-походному с эмалированным бидончиком в руках. Оказалось, что малину надо было собирать на кустах недалеко от вокзала и не в бидончик, а прямо в рот. Оказалось, что он задумал обыкновенную прогулку, а она позорила его, одетого по последней моде, своими тренировочными штанами, заправленными в резиновые сапоги, и престарелой домашней утварью с утенком на боку и черными пятнами отколовшейся от доньшка эмали. Через два дня после этой этапной в их отношениях поездки Сергей пришел к Алле домой, одетый очень строго и торжественно: в пиджачную пару, светлую рубашку и галстук. В таком виде обычно делают предложения руки и сердца, но Алла знала, что этого не может быть, и поэтому испугалась до колик в левом боку.

– Сереженька, что случилось? – еле ворочая от страха языком, спросила она.

– Да уж случилось, – трагически ответил он, сел за стол и обхватил голову обеими руками.

У Аллы подогнулись колени. Она тут же забыла о себе, подбежала к нему, обняла за шею и горячо зашептала, что готова разделить с ним любое горе. Сергей отцепил ее руки, повернул к ней болезненно скривившееся лицо и сказал:

– Нет... ты не поняла... Тут другое. Я пришел сказать, что не смог полюбить тебя...

Сначала она почувствовала огромное облегчение оттого, что с ним ничего страшного не случилось: все близкие его живы, сам он здоров, не подвергся нападению воров, бандитов, прочих уголовных элементов и не был оштрафован за неправильный переход улицы. Она даже прошептала что-то вроде «слава богу».

– Алла! – закричал он, вскочив со стула. – Ты поняла, что я тебе сказал?!

– Поняла, и не надо кричать, – очень спокойно ответила она. – Раз не смог – уходи.

И теперь уже на его лице проступило выражение огромного облегчения. Сергей, очевидно, думал, что она впадет в истерику, станет кричать, умолять не бросать ее. Может быть, она даже станет угрожать, хотя, если честно, угрожать, собственно, и не было причин. Он никогда не вступал с честными девушками в интимные отношения, чтобы облегчить и обезопасить ретираду в том случае, если до брака дело так и не дойдет. Поскольку Алла не кричала и сама предложила ему уйти, он так и сделал. Ушел.

Только тогда, когда за Сергеем захлопнулась дверь, Алла

наконец осознала, что случилось. Свое горе она почувствовала сразу физически: ей отказали ноги. Она целый вечер не могла подняться со стула, на который опустилась, и мама даже несколько раз порывалась вызвать «Скорую помощь». Так, наверно, ощущают свою потерю женщины при получении на любимого похоронки с войны. Алла была настолько плоха, что мама никак не могла поверить, что дочь не беременна и что ее, в сущности, ни в чем не обманули и не предали. Все шло к подобной развязке, но Алла оказалась к ней абсолютно не готова. Особенно она была уязвлена тем, что Сергей бросил ее не ради другой, в которую ненароком влюбился, а потому что она, Алла, оказалась недостойной. Ее отбраковали, поставили клеймо «2-й сорт». Ее не смогли полюбить. Ее невозможно любить. Ее никто и никогда не сможет полюбить.

Она месяц не выходила из дома. Мама приглашала на квартиру невропатологов и психиатров, но Алла встречала их со спокойной улыбкой, заявляя, что с ней все в порядке, просто судьба наградила излишне беспокойной мамой. Рассерженные эскулапы убирались восвояси, а Алла опять ложилась на диван лицом к стене. Через месяц она встала, бледная, с разившимися волосами, и поехала в Эрмитаж. Она намеревалась пройти к французским импрессионистам, которых очень любила, но вовремя вспомнила, что там висят картины Моне, которого особенно почитал Сергей. Она сбежала с лестницы, половину которой уже преодолела, и в

ужасе от нахлынувших воспоминаний бросилась по первому этажу, что называется, куда глаза глядят. Судьба привела ее в греческий и римский залы. Сначала она хотела идти обратно, потому что никогда раньше не интересовалась античной культурой, но взгляд привлек необычный розовый цвет мрамора, которым были облицованы стены зала Диониса: одновременно яркий и нежный. Потом, приглядевшись, Алла поразилась величавой простоте зала в отличие от помпезности и блеска верхних апартаментов и поняла, что это отличный фон для древнего потемневшего мрамора скульптур и статуй. Алла бродила среди безногих, безруких и безголовых богов и богинь и находила в них безусловное сходство с собой. Потом увлеклась и даже очаровалась совершенством античных форм. Вульгарность и пошлость жизни остались за стенами Эрмитажа, а значит, можно было хотя бы на время предположить, что этого не существует вообще. В зале Диониса царили деликатность, целомудрие, возвышенность и классическая простота. Алла прошла дальше. Она никогда не бывала в этих залах раньше, попала в них случайно и, как оказалось, вовремя. Она вдруг остро почувствовала свою связь с миром и временем, и на нее неожиданно снизошли умиротворение и покой. Даже злой лев, охранявший чье-то надгробие и оскаливший на Аллу зубы, не показался ей страшным. А бедного ягненка на жертвеннике было очень жаль. Он так трогательно подогнул ножки, у него так кудрявилась шкурка, ему так не хотелось умирать... В сле-

дующем зале, воровато оглянувшись на дремавшую на стуле зрительницу, Алла дотронулась рукой до торса знаменитой эрмитажной Афродиты и почувствовала шелковистую гладкость и объем древнего мрамора, его живое, трепетное тепло.

В одном из залов она неожиданно наткнулась на бюст прекрасного юноши, голова которого была увенчана лавровым венком. Алла долго не могла отвести глаз от тонкого носа, гордо вырезанных полных губ, округлого подбородка и копны завитых кудрей молодого человека. Кто это? Бог или простой смертный? Она опустила голову к табличке. Антиной, греческий юноша, любимец римского императора Адриана, обожествленный после смерти. Антиной... Какое красивое имя. Неужели когда-то жили такие красивые люди? И что есть Сергей по сравнению с такой идеальной и вечной красотой? Разве можно так убиваться по тому, кто вовсе не совершенен и даже не догадывается об этом? Его можно только пожалеть. Он не захотел принять безграничную и самоотверженную любовь. Разве это его достоинство? А может быть, он просто не мог этого сделать? Может быть, не Алла не соответствовала высоким притязаниям Сергея, а именно он не соответствовал огромности ее любви. Возможно, он вовремя понял это и сбежал. Алла ведь могла, поприспальнее приглядевшись, понять его заурядность и ужаснуться растраченным впустую чувствам. Хорош бы он был при этом!

Алла бродила по полупустынным залам и уже не дума-

ла о Сергее. Она разглядывала прекрасные лица, идеальные фигуры, и душа ее врачевалась созерцанием гармоничных и совершенных форм. Вот голова богини... Удивительное лицо: возвышенное и вдохновенное. Жутковаты, правда, темные провалы глаз, но на табличке написано, что в древности они были заполнены драгоценными камнями или стеклянной массой. Тогда богиня была настоящей красавицей. А вот у императора Филиппа очень современное лицо. Прямо стоматолог Андрей Семенович со второго этажа! Надо будет как-нибудь намекнуть ему, что за большие стоматологические заслуги перед обществом в Эрмитаже уже установили его бюст.

Античные залы и юноша Антиной помогли Алле выжить и даже выздороветь от болезни под названием Сергей. Она окрестила его Счастливым и старалась больше не вспоминать. Вернувшись из Эрмитажа, она стала обдумывать свою жизнь и поняла, что с упрямством, достойным лучшего применения, не желала видеть того, что с таким упорством ей демонстрировалось. Жизнь не обманывала ее никогда. Она предоставила ей для изучения с одновременной выработкой иммунитета против них и Правозащитника, и Практиканта, и Вампира, и Счастливого, и всяческих производных или комбинаторных от этих чистых типов. Жизнь все время пыталась вернуть ее на землю из заоблачных сентиментальных высот и всяческими способами доказывала, что никаких прекрасных принцев в природе не существует, ни на белых

конях, ни на алых парусах, ни в «Мерседесах», ни в «Жигулях», ни по старинке передвигающихся пешим ходом. Алла отмахивалась от представляемых ей доказательств, принимая правила за исключения. Теперь она наконец воочию увидела уже довольно длинную череду мужских индивидуумов, прошедших мимо нее, начатую еще незабвенным Костиком Лютиковым, которому она тогда по малолетству еще не придумала подходящего прозвища.

Алла вспомнила мерзкого мужика лет пятидесяти, чем-то похожего на толстого отъевшегося слизняка, который лез к ней с верхней полки скорого поезда «Ленинград – Москва», а она боялась даже пикнуть, чтобы не испугать спящую внизу мать. Терпеть она тогда уже умела и была сильнее матери.

Еще она вспомнила свою первую самостоятельную поездку в Киев с подружкой. Маргарита уже в поезде познакомилась с парнем и большую часть свободного от экскурсий времени проводила с ним. Алла не хотела присоединяться к другим группировкам и бродила по киевским улицам одна. Однажды она решила еще раз посетить Софию Киевскую, которой была потрясена на экскурсии. Около билетной кассы к ней подошел приятный молодой мужчина с кофром фотографа. Он сделал несколько изысканных комплиментов и предложил провести ее в Софию бесплатно, если она позволит ему сделать несколько ее портретов для украшения и рекламы его фотомастерской, которая находится прямо на территории музейного комплекса. Алла согласилась, потому

что он вел ее не в подворотню, а в фотомастерскую, находящуюся в людном и одновременно святом месте. Мастерская и впрямь оказалась настоящей, с витринами, увешанными фотографиями, с яркими софитами и разнокалиберными фотокамерами на штативах и без них. Алла почувствовала неладное только тогда, когда он закрыл входную дверь на ключ.

– Чтобы экскурсанты не ломились, – весело и самым беззаботным тоном сказал фотограф.

Он усадил ее на высокий стул, организовал нужное освещение и сделал несколько снимков анфас и в профиль. Алла уже почти совсем успокоилась, когда он вдруг заявил, что у нее очень красивая шея и предложил заколоть волосы наверх, бросив ей на колени чью-то заколку. Загипнотизированная его взглядом, мгновенно переставшим выражать беззаботность и доброжелательность, она молча подчинилась. Он посмотрел на нее через объектив, недовольно поморщился, подошел вплотную и бесцеремонно расстегнул до пояса блузку. Такое с Аллой происходило впервые, и она оцепенела от ужаса. Ей казалось, что если она будет сопротивляться, то он просто убьет ее прямо на святой земле Софии Киевской. Фотограф вернулся к камере, но Аллин вид ему снова не понравился. Он снова подошел к ней, сдернул с плеч сначала блузку, а потом и лямки бюстгальтера. Алла умоляюще смотрела на делового мужчину, но он уже не собирался встречаться с ней взглядом. Он жесткими пальцами мял ей

соски, так как гладкие, девичьи, они казались ему мало сексуальными. Алла застыла и вышла из тела, как тогда, в пионерском детстве, у гроба директрисы школы рабочей молодежи. На автопилоте она делала все то, что он приказывал: снимала юбочку, специально сшитую к этой поездке, трусики с розовыми бабочками, принимала нужные позы, но, видимо, застывшая и холодная, не соответствовала его притязаниям. В конце концов он в сердцах плюнул, непечатно обозвал ее и выключил софиты. Она довольно равнодушно приготовилась к самому худшему, но он все-таки побоялся ее насиловать: девчонке было куда привести милицию. Это она поняла потом. А тогда ей даже в голову не пришло бы жаловаться, потому что во всем она винила только себя: зачем было слушать комплименты и идти неизвестно куда с незнакомым человеком. А этот незнакомый человек расстегнул брюки, вывалил ей на обозрение отяжелевший орган, который она видела впервые в жизни, и приказал ласкать его. Задыхаясь от отвращения и борясь со рвотными спазмами, она делала то, что он просил. В нужный момент он оттолкнул Аллу, кончил в полотенце и даже вежливо поблагодарил за доставленное наслаждение. Потом открыл ее сумочку, достал паспорт, списал адрес и пообещал, что пришлет фотографии. И он действительно прислал. Алла благодарила судьбу за то, что, когда на квартиру принесли заказное письмо из Киева, мамы не было дома. Она дрожащими пальцами разорвала конверт и достала отвратительные фотографии

испуганной голой девочки в вульгарных позах. Алла, взхлебывая, разорвала их в клочки, выбросила в мусоропровод и долгое время жила в страхе, не станет ли он присылать ей их снова и снова. Больше никакой корреспонденции из столицы Украины не приходило, и Алла постаралась забыть это происшествие, как кошмарный сон. Но даже после этого дикого события она продолжала все так же свято верить в прекрасных принцев. А «принцы» продолжали делать свое дело.

В институте за Аллой хвостиком ходил студент параллельной группы. Он надоедал ей, мешал, портил своим постоянным присутствием настроение и никак не желал понять, что не нравится ей. Он пытался доказать Алле, что она смотрит на него не под тем углом зрения, что если она сходит с ним хотя бы в кино, то сразу убедится в его безусловной привлекательности. Он так достал Аллу, что она начала подумывать, не перевестись ли ей в какой-нибудь другой институт от него подальше, но он вдруг неожиданно куда-то пропал. Алла воспряла духом, но на следующий же день получила письмо из местного психоневрологического диспансера с требованием явиться тогда-то и туда-то к врачу под такой-то фамилией. Удивленная и встревоженная, Алла явилась. Симпатичная моложавая врачиха с каштановыми прядками, кокетливо выбивающимися из-под белой шапочки, начала убеждать ее, что любовью можно вылечить практически любое заболевание. Оказалось, что Студент, будем называть его так, не нашел ничего лучшего, как явиться в психонев-

рологический диспансер, самостоятельно поставив себе диагноз – депрессия на почве неразделенной любви. Разумеется, лечить его своей любовью Алла отказалась.

Дальше вспоминать Алла не стала, хотя могла бы. Самым отвратительным в воспоминаниях было то, что все они – и Слизняк, и Фотограф, и Студент – являлись ловкими оборотнями. Утром, когда поезд пришел в Москву, Слизняк, надев строгий пиджак в легкую элегантную клетку, выглядел таким добропорядочным отцом семейства, что Аллина мать даже обсудила с ним некоторые насущные проблемы школьного образования, поскольку сама являлась учительницей. Фотограф со своим кофром косил под элитного художника объектива, а Студент даже прикинулся психом, только бы заполучить Аллу.

Закончив с личным опытом, Алла окинула мысленным взором жизнь вообще и в ужасе от представшего перед ней разрыдалась. Диктаторы, тираны, маньяки, убийцы, террористы в основном были мужчинами. И все они, пока не проявили себя окончательно в истинном своем лице и предназначении, маскировались, подобно Слизняку, Фотографу, Студенту и прочим.

Алла вытерла слезы, и именно тогда пролегла демаркационная линия между «до» и «после». Именно после посещения Эрмитажа и осмысления предыдущей жизни она отправилась в парикмахерскую, где остригла длинные волнистые волосы. Над головой встал ореол пушистых выющихся пря-

док.

– Неужели ничего нельзя с ними сделать? – огорченно спросила она парикмахершу.

– А зачем что-то делать? – удивилась та. – Такой красивый эффект! Женщины искусственным путем пытаются добиться такого, а у вас все свое, природное.

– И все-таки мне бы хотелось убрать кудри, – упрямо твердила Алла.

Парикмахерша, обидевшись за Аллины волосы, фыркнула: «Как скажете», обильно умастила их прозрачным гелем и сильно оттянула феном. Из парикмахерской Алла вышла с головой, одетой в вороненый шлем из гладких блестящих волос. Больше она никогда не меняла прически. Из своего гардероба она безжалостно выбросила все веселенькие вещицы с бантиками, рюшечками, цветочками и пряжечками, вылила в унитаз любимые духи рижской фирмы «Дзинтарс» и подарила двоюродной сестре, которая очень вовремя приехала осмотреть Ленинград из Петрозаводска, яркую бижутерию «Яблонекс». Все это призвано воздействовать на мужчин и привлекать их внимание. Алле этого больше не нужно. Она оделась в строгий костюм и встала на тропу войны с представителями мужского пола. Она им отомстит за все. Она будет действовать их же методами и даже не станет маскироваться, разве что изредка, для достижения лучшего результата.

После резкой смены имиджа она углубилась в учебу. Она и раньше хорошо училась, а теперь ей из принципа надо бы-

ло стать даже лучше Генки Сологуба, который считался самым талантливым в их институтской группе. И она, как сейчас выражаются, «сделала» Геннадия. Она получила красный диплом и лучшее в группе распределение в престижный НИИ. Устроившись на работу, освоившись на новом месте и прямо в процессе написания диссертации, Алла впервые вышла на охоту.

Первым попался в ее сети нежный мальчик Илмари Кирьянен, ингерманлонец по происхождению. Алла раньше даже и не подозревала о существовании такой национальности. Некоторое время она делала вид, что очень живо интересуется его пространными рассуждениями о когда-то существовавшей независимой Северной Ингрии. Она старалась не зевать, когда он торжественно вещал о создании нового ингерманландского братства, потом – автономии, а после – опять-таки независимого государства, полноправного члена ООН. Через месяц слушать ей все это осточертело, потому что Илмари нужен был ей совершенно для других целей. Однажды она сказала ему:

– А не пошел бы ты подальше вместе со своей Ингерманландией!

Он обиделся и даже гордо удалился из кафе, где они в тот момент пили кофе. Вечером он опять явился к Алле, объявив, что только ей готов простить надругательство над его национальным достоинством, и наконец впервые остался у нее ночевать. Оба они ничего толком не умели, ибо были

друг у друга первыми. Алла поняла, что ингерманландец для этих целей ей не годится, и безжалостно выбраковала его, как собственные рюшечки и бантики. Она даже не удосужилась что-то объяснить Илмари, просто сказала утром:

– Прощай, дружок. Ты свое дело сделал и должен уйти.

Илмари еще долго, как в былые времена Студент, мозолил ей глаза, но в конце концов вынужден был исчезнуть с ее поля зрения.

Вторым в Аллиной коллекции стал сослуживец Роман, тридцатилетний холостой младший научный сотрудник. Алла решила, что в своем возрасте он должен смыслить в интимной жизни побольше юного ингерманландца. Она решила не трудиться над привлечением к себе его внимания, а просто и недвусмысленно предложила себя. Ошалевший от такого неприкрытого цинизма Роман согласился, надеясь приятно провести время в компании с раскрепощенной красоткой, но... нечаянно и негаданно влюбился. Он таскал Аллу к родителям, которым она безумно понравилась. Ромина мамаша демонстрировала ей саксонский хрусталь, который они приобрели, когда муж, полковник в отставке, служил в Германии.

– Видите, Аллочка, – показывала она щедрой рукой на горку, сверкающую хрусталем, – я специально покупала все в двух экземплярах... ну... специально... к Роминой свадьбе. И золото... вот, посмотрите. – Она открывала объемистую кожаную шкатулку и выкладывала на стол парные кулоны,

цепочки, серьги. — Я только кольца не покупала, чтобы не ошибиться с размером... ну... вы понимаете...

Алла все прекрасно понимала и в душе жалела разохотившуюся погулять на сыновней свадьбе женщину. Она, Алла Белозерова, никогда не выйдет замуж! Никогда! Даже тогда, когда ей захочется ребенка. Она найдет того, кто ее им обеспечит, а воспитывать будет одна.

Рома был очень выгодной партией, с какой стороны ни посмотри. Сам он был и собой хорош, и неглуп, и к Алле относился душевно, но еще большего внимания заслуживали его родители. Они, казалось, могли все, особенно когда дело касалось Аллы, которую они уже видели женой своего сына. Однажды у нее разболелся зуб, и они мгновенно устроили ей протекцию у какого-то навороченного профессора в институте стоматологии. Профессор не только вылечил ей зуб без всякой боли. Он еще по собственной инициативе удалил зубные камни и даже отбелил зубы по новой технологии, неизвестной еще и ушлым американцам, которые только потом, много лет спустя, закидают Россию своим «Блендамедом».

А потом в Русском музее была выставка работ Николая Рериха. Алла очень хотела попасть на выставку, но очередь в музей занимали с утра, когда она была на службе. Стоило ей обмолвиться Роману о Рерихе, как на следующий же день вечером после работы они всей семьей во главе с папочкой, полковником в отставке, пошли на выставку. Алла думала, что они подойдут ко входу и полковник предъявит ка-

кую-нибудь особую ксиву, по которой их пропустят без очереди, но не тут-то было. Они прошли через служебный вход без предъявления каких бы то ни было документов, а мужчина в огромных очках, который их встретил, долго тряс полковнику руку, учтиво сопровождал по выставке и давал требуемые пояснения, а если ничего не спрашивали, то молчал рыбой. Рерих Алле не понравился, особенно красно-кирпичный и ультрамариновый цвет многих его полотен. Ромина мама очень огорчилась, что выставка не доставила Алле того удовольствия, на которое она рассчитывала, и в качестве собственной реабилитации достала две контрамарки на закрытый просмотр импортного фильма по роману Кнута Гамсуна «Голод». Фильм Аллу потряс, несмотря на то что был черно-белый и занимал маленький квадратик экрана, приспособленного для показа широкоформатных фильмов. Было полное впечатление того, что в большом зале современного кинотеатра Алла с Романом смотрели телевизор. После этого фильма Алла была так благодарна Роме и его маме, что те подумали, что дело со свадьбой уже решено. По этому поводу мама назначила званый вечер, куда велено было приходить в вечерних туалетах. Вечернего туалета у Аллы не было, и она не собиралась его заводить. Она явилась на вечер в темно-синем костюме, в котором ходила на работу, и все равно была лучше всех, что было отмечено многочисленными родственниками и друзьями дома Роминых родителей. После торжественного ужина начались танцы. Аллу напере-

бой приглашали все присутствующие на званом вечере мужчины. Наконец подошла очередь Роминого деда. Осторожно ведя ее старинными приставными шажками, дед стал обещать Алле, что подарит внуку на свадьбу машину самого современного образца. У него, дескать, и деньги накоплены, и дело только за подходящим случаем и кандидатурой. Она согласно кивала, но при этом уже обдумывала вариант отступления. Линять из этого милого семейства надо было срочно. Они все очень хорошие люди, и обманывать их ей больше не хотелось. А сам Роман, взятый отдельно от семьи и многочисленных родственников, все-таки представлял собой мало интересного и, пожалуй, был скучен и уныл до занудства. На следующий же день прямо в институтском коридоре тоном Сергея Алла объявила ему: «Я не смогла тебя полюбить», и стала обходить его стороной. Роман сделался бледным с зеленоватым отливом, и Алла боялась, что он тоже закосит под психа. Потом она решила, что ей абсолютно все равно, под кого он станет косить, и окатывала его при встрече одним из своих самых ледяных взглядов. Сердобольные сослуживицы жалели Рому и не могли понять, чего этой дуре Белозеровой надо. Они пытались проводить с ней разъяснительную работу, но она только смеялась им в лицо.

В конце концов у Романа все сложилось хорошо. Он встретил девушку, родители которой были покруче его собственных. Молодые сыграли пышную свадьбу в ресторане гостиницы «Москва» и укатили жить в город с одноимен-

ным названием. Алла была очень рада за Наследника, как она окрестила Рому, но сослуживицы долго еще не могли ей простить того, как дурно она обошлась с лучшим молодым человеком их института.

Однажды Аллино отношение к мужчинам могло бы быть пересмотрено, если бы...

Как-то в их институт пришел новый сотрудник. Директор переманил очень способного и инициативного инженера с завода города Новореченска, где внедрялись разработки их института. Он предложил инженеру заняться наукой и ни где-нибудь, а в самой Северной Пальмире. Молодому человеку было около тридцати, и директор решил из него вырастить себе зама по науке. Заком по производству у него уже был отличный мужик, вышедший из заводских мастеров и знающий заводские проблемы как свои пять пальцев. Зама по науке все время менялись, потому что директору казалось, что ни один из утвержденных на этот пост не дотягивал до высокого уровня вверенного ему учреждения. Александр Леонидович Звягин оказался ко двору. Он был умен, расторопен, в меру демократичен, а потому умел не только ладить с людьми, но и руководить ими.

На Аллу Белозерову он в первый же день своей трудовой деятельности положил глаз, но дать ей это понять не спешил. Алле же он сразу не понравился, потому что лез во все дырки и мешал работать. Это потом она поняла, что он таким

занудливым образом знакомился с работой института, желая быть в курсе всех его тем. А на первых порах она его почти возненавидела, потому что он ходил за ней по пятам и в лаборатории, и на механический участок, и к экономистам, и даже желал присутствовать при всех ее переговорах со сторонними организациями. Один раз она ему сказала:

– А не кажется ли вам, Александр Леонидович, что меня пора уволить, потому что вы уже достаточно хорошо справляетесь с моей работой?

Он рассмеялся и пригласил поужинать в какой-нибудь пицеточке по ее выбору, поскольку сам он в Ленинграде еще плохо ориентировался.

– Будем праздновать мое увольнение? – раздраженно спросила она.

– Будем праздновать наше знакомство! – ответил он.

– Для меня наше знакомство праздником не является, – отрезала она и отказалась с ним встречаться и ныне, и присно, и во веки веков.

Звягин, казалось, ее отказом ничуть не огорчился и очень скоро стал ходить следом за сотрудниками другого отдела, потом третьего, и так далее, пока не ознакомился с работой и тематикой каждого из них.

Приближался Новый год, и директор института выделил из собственного фонда приличную сумму на встречу его всем коллективом в ресторане интуристской гостиницы «Пулковская», славившейся в те времена своей кухней и ши-

карным обслуживанием. Алла идти в ресторан не хотела. Во-первых, она ничего не пила, чем всегда восстанавливала против себя сотрудников. Во-вторых, она не любила подобный способ времяпрепровождения. Где-то уже на втором часу застолья, когда народ только-только доходил до кондиции ничем не сдерживаемого веселья, она начинала скучать и злиться на весь мир. И она бы не пошла, если бы случайно не услышала, как за ее спиной сотрудницы говорили, что Алла Белозерова, конечно, как всегда, противопоставит себя коллективу и не пойдет вместе со всеми встречать Новый год. Злить гусей Белозеровой не хотелось, и она пошла... правда, вовсе не в «Пулковскую» гостиницу. Прямо под Новый год в Ленинград на какой-то научный симпозиум в области медицины неожиданно приехала делегация канадцев. Разумеется, им тут же отвели лучшие номера в «Пулковской», выслев оттуда несколько советских докторов наук, прилетевших днем раньше на этот же симпозиум из Новосибирска и Петропавловска-Камчатского. Банкетный зал, снятый Аллиным институтом на 29 декабря, тоже передали в полное распоряжение канадцев. Русским, презираемым собственным городом, пришлось забрать из «Пулковской» деньги и снять единственный оставшийся к тому времени свободным актовый зал при одной из жилищно-эксплуатационных контор. ЖЭК взял с института гораздо больше денег, чем гостиница «Пулковская», потому что у него не было собственной кухни и еду надо было возить из комбината школьного пита-

ния. Кроме того, ЖЭК прилагал к залу собственного тамаду, услуги которого оплачивались отдельно. Снять зал без тамады не представлялось возможным, и председатель профсоюзной организации уговорил директора института раскошиться еще, поскольку часть водки уже все равно закуплена, а некоторые женщины даже успели сшить себе новые наряды в знаменитом на весь Ленинград ателье под названием «Смерть мужьям». Директорская жена тоже кое-что себе уже сшила у одной подпольной портнихи, а потому директор, скрепя сердце, открыл сейф и достал еще столько денег, сколько требовалось на комбинат школьного питания и тамаду.

Школьное питание оказалось весьма скудным, видимо, в расчете на детские желудки, зато водка, закупленная председателем профсоюзной организации для взрослых, отдельно и по большому благу, лилась рекой. Тамадой был плюгавенький, самого отвратительного вида мужичонка, который, кроме развлечений «нальем и выпьем», похоже, не знал никаких других. Когда он вместе с залом дошел до определенного состояния, то вспомнил еще одну, очень хорошую с его точки зрения развлекуху. Из вспухшего кармана своего потертого пиджачка, из которого вырос еще, очевидно, в школьном возрасте, он вытащил горсть теннисных шариков и предложил выйти в центр зала пятерым смелым мужчинам. Мужчины, которые уже хорошо выпили, были все, как один, смелыми, и бедному тамаде пришлось изрядно попотеть, что-

бы отобрать из них самых достойных. Когда участники предстоящего состязания наконец были определены на конкурсной основе, тамада вызвал к ним пятерых смелых женщин. Институтские женщины и без выпивки были довольно смелыми, а уж от выпитого расхрабрились так, что тамаде пришлось пообещать, что конкурс будет проведен в несколько туров, чтобы каждая желающая женщина смогла принять в нем участие.

Алла вяло ковыряла вилкой в салате оливье и старалась не смотреть на середину зала, потому что понимала: ничего хорошего она там не увидит. Несколько раз она ловила на себе заинтересованный взгляд Александра Леонидовича Звягина и мрачнела еще больше. По всему видно, что он начнет приставать. Скоро начнутся танцы-манцы-обниманцы... И зачем она согласилась пойти на этот вечер? Может, взять да и напиться вместе со всеми?

А на середине зала умирающие от смеха женщины пытались на скорость прокатить теннисные шарики под брюками у мужчин: из одной штанины – в другую. Мужчинам это здорово нравилось, и они по-щенячьи повизгивали и чуть ли ни взлаивали от восторга. Тамада потребовал от председателя профсоюзной организации дополнительный гонорар за организацию такого нечеловеческого веселья. Председатель, который в дополнение к профсоюзной деятельности являлся кандидатом технических наук, сунул ему в нос приличный по объему кукиш, заявив, что и сам таких развлекух может

организовать бессчетное количество. Тамада, почуяв сильную личность, моментально слинял от него подальше, якобы с целью награждения конкурсантов яблоками и мандаринами.

Как только начались танцы, к Алле первым подошел Звягин. Заранее придумать предлог для отказа она не догадалась, замешкалась и все-таки вынуждена была выйти с замом по науке в центр зала, где уже танцевали счастливые участники конкурса «Прокати шар» и благоухали наградными мандаринами.

– Удивляюсь я нашему народу, – улыбаясь, сказал ей Звягин. – Вроде бы умные люди, кандидат на кандидате, доктор на профессоре, и вдруг такие убогие развлечения! И ведь радуются как дети! Что вы думаете по этому поводу, Алла Константиновна?

– Я думаю, что народ пытается извлечь максимум удовольствия из того суррогата, что им нагло подсунули под Новый год. Они весь год очень много работали и слишком мало отдыхали. Приходится есть что дают! Вы не находите мои слова справедливыми, Александр Леонидович? – встала на защиту родных сотрудников Алла.

– Ну... я не знаю... Можно было бы самим что-нибудь придумать... Все мы были студентами, ездили в стройотряды. Там развлекались по-другому!

– Бросьте, Александр, и в стройотрядах бывало такое, что не приведи господи повторить! И потом, кто вам мешал при-

думать что-нибудь замечательное для праздника, если уж так претит шарокатание в мужских штанах?

– Я здесь человек новый...

– Это как раз и хорошо! Вы имели чудесную возможность проявить себя с самой лучшей стороны, но... не воспользовались этим.

– А почему вы ничего не пьете, Алла? Я за вами наблюдал, – сменил тему Звягин.

– Не пью, и все, – ответила она. – Никогда. И ничего. Объяснять это не желаю.

Как раз в этот момент танец закончился, зам по науке отвел ее на место и... куда-то пропал. Алла вертела головой, но Звягина нигде не было видно. Она решила, что по своему обыкновению была слишком резка и категорична и он ушел с праздника, потому что во всем коллективе не нашел ни одного единомышленника. Алла уже забыла о нем напрочь и подумывала о том, как бы и ей незаметно уйти, потому что забавы тамады с теннисными шарами начали уже выводить ее из себя. Мерзкий мужичонка поставил в центр зала стул, на который положил свои универсальные шары, и накрыл их несвежим носовым платком. Желаящим участвовать в конкурсе предлагалось сесть на стул прямо на шары и определенной частью тела сосчитать их количество.

Алла встала из-за стола и стала потихоньку пробираться к выходу, когда в зал вернулся румяный с мороза Звягин с гитарой в руках. Он цыкнул на тамаду, сбросил со стула

его шары, зацокавшие по линолеуму, будто козы копытцами, сел на стул сам и положил руку на струны. Потом он оглядел перевозбужденный горячительными напитками и тамадой зал, усмехнулся и запел. Сначала его слушали плохо: звякали вилками и ножами, звенели фужерами, переговаривались и похохатывали, но потом как-то затихли. Александр Леонидович пел песни Визбора, Кима, Вероники Долиной, Высоцкого и других авторов, которых Алла не знала. У него был несильный, но красивого тембра голос, замечательный музыкальный слух и профессиональная игра на гитаре. Сначала к заму по науке подвинулся со своим стулом председатель профсоюзной организации и спросил:

– А «Ты у меня одна» можешь?

Тот кивнул и запел.

Последние слова песни пел уже почти весь институт, окруживший Звягина:

Будем идти в метель,
Будем стелить постель,
Будем качать всю ночь
У колыбели дочь...

Потом гитару зама по науке взял в руки сам директор института и, аккомпанируя себе простенькими аккордами, скрипучим голосом запел: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!» Не стоит и говорить, что вместе с ним пели все его подчиненные. Таким образом, с помощью Звягина

дальнейшее празднование наступающего Нового года пошло совершенно в другом ключе, за что Алла была очень ему благодарна. Последний танец она опять танцевала с Александром Леонидовичем.

– Вы очень хорошо поете, – сказала она. – Не ожидала.

– Вы вообще меня еще очень плохо знаете, а потому недооцениваете, – весело отозвался он. – Я был бы непротив, если бы мы познакомились поближе.

Размягченная его песнями и успехом у сотрудников Алла и сама не заметила, как согласилась. Они шли по темному промороженному городу бок о бок и болтали о всяких пустяках. Алле уже давно не было так хорошо и спокойно рядом с мужчиной. Ей казалось, что они знакомы с ним уже много лет. Она совершенно расслабилась и поймала себя на том, что последний раз так радовалась свиданию со Счастливишкой. А что из всех тех свиданий вышло? Алла остановилась посреди тротуара и вскинула на Звягина вмиг ставшими холодными глаза.

– Что-то не так? – чутко отозвался Александр.

– Все так... Все нормально, но... мне пора домой. Я – на метро!

– Алла, в чем дело? – Он загородил ей дорогу. – Я что-то не то сказал?

– Нет... вы все очень правильно говорили... – мялась Алла. – Все нормально... но... В общем, до свидания, Александр Леонидович. Спасибо за вашу гитару и вообще...

вещах, о работе и о том, какие все мужики сволочи.

Потом Александр перебрался к Алле, потому что в его неустроенной квартире жить было невозможно. Ее мама к тому времени переехала к сестре в Петрозаводск, оставив дочери небольшую двухкомнатную квартирку. Переездом к ней Звягина Алла была счастлива и выбросила из головы все мысли о мести мужчинам. Ей наконец повезло, и на прошлом она поставила жирный крест. Александр был отличным любовником и одновременно хорошим другом. С ним было о чем поговорить. На все он имел свое собственное мнение, был умен и всеми уважаем. Обаяние личности делало его, внешне довольно обыкновенного: темноволосого, кареглазого и не слишком высокого ростом, почти красавцем. Он улыбался так же ослепительно, как Юрий Гагарин, имел потрясающе красивый тембр голоса и умел расположить к себе любого.

Алла уже собиралась сшить себе все в том же ателье «Смерть мужьям» красное платье, как вдруг необходимость в ярких туалетах опять отпала. На майские праздники из Нижнереченска к Александру Леонидовичу Звягину приехала законная жена с двумя девочками-близняшками. Она сделала супругу «сюрприз», явившись с вокзала вместе с дочерьми прямо в институт. О счастливом воссоединении мужа и отца со своим семейством в холле родного здания Алле услужливо доложили сослуживицы. Она не поверила, хотя слышала за спиной что-то вроде: «Это ей за нашего Романа

расплата». С чрезвычайно прямой спиной и застывшим лицом Алла спустилась на первый этаж. Через дырку от вывалившегося звена стеклопрофилита она смотрела из коридора в холл и не хотела верить своим глазам. Вокруг Александра прыгали две абсолютно одинаковые девчушки лет шести, а его самого собственнически обнимала за шею пухленькая молодая женщина с немодной в то время, но очень шедшей ей толстой пшеничной косой. На Александре Леонидовиче, что называется, не было лица.

На Алле тоже не было никакого лица, когда она оторвалась наконец от дыры в стеклопрофелите и столкнулась с директором института. Это выражение полного отсутствия лица так поразило начальника, что он вынужден был сам заглянуть в дыру в стене. Увидев то, что и должен был увидеть, он остановил Аллу, бредущую по коридору к лестнице на этажи, и сказал:

– Извини, Алла... Я знал, конечно, что он женат, на работу ведь нанимал... Я должен был тебя предупредить, но... – он развел руками. – Я думал, что он тебе сам все сказал и что ты была не против... Чужая душа – потемки.

Директор института, наверно, еще долго развивал бы свою мысль о странности и непредсказуемости человеческих отношений, но вовремя заметил, что Белозерова близка к обмороку.

– Вот что, Алла... Иди-ка ты домой... Отдохни пару дней, погуляй... Ну я не знаю... что еще... Сходи куда-нибудь...

Вот! В Театре эстрады сейчас Геннадий Хазанов выступает со своим кулинарным техникумом. Ухохочешься! Мы с женой позавчера ходили... А с бухгалтерией и табельной я договарюсь. Скажу, что... это... ну, в общем, найду что сказать!

Алла благодарно посмотрела на директора, одного из лучших представителей семейства мужчин, и пошла к выходу из института. Ей пришлось пройти мимо все еще обнимающихся Звягиных. Как среагировал на ее торжественный проход мимо них зам по науке, Алла не заметила. Ей было уже не до него. Она не могла понять, каким образом опять так расслабилась и попала в лапы к очередному оборотню. Ей ли, уже битой и тертой жизнью, утрачивать бдительность! Ей ведь уже далеко не двадцать, когда Счастливчик мог вить из нее веревки. Как же Звягин сумел ее так приворожить? Чем? Неужели всего лишь песнями под гитару? Неужели приятным голосом и улыбкой? Это ведь все такое внешнее... А она уже давно не реагировала ни на что внешнее, броское и эффектное. Казалось, что Сергея ей хватило на всю жизнь... Ан нет! Как же она могла так довериться этому заму по науке? Ведь уже много лет не откликалась ни на какие призывы мужчин, выбирала их только сама, и вот вам... Алла остановилась посреди улицы, потому что вдруг поняла, в чем дело. Ей опять захотелось любви, чтобы все внутри напрягалось струной и трепетало при одном лишь звуке его голоса, при одном прикосновении... Как же все-таки неправиль-

но воспитывают девочек! Зачем им забивают головы всякой чушью: сентиментальными сказками о любви, легендами о верности и баснями о самоотверженности? Всю эту галиматью потом почти невозможно вытравить из души и сердца. Девочек с младенчества надо воспитывать так же, как мальчиков: солдатиками и пистолетами. Их надо учить драться, плевать сквозь зубы, материться как можно забористей и чихать на любовь и верность. Она, Алла, если бы была учителем литературы, совсем по-другому преподавала бы свой предмет. Она говорила бы девочкам:

– Читайте и учитесь на классике! Швабрин – это норма! Гринев – сказочный герой вроде Чиполлино. Онегиных в жизни – пруд пруди, а Ленский, «с кудрями черными до плеч», скорее всего, нетрадиционалист. Печорин – очень жизненная сволочь, Болконский – лощеный гад, ухайдакававший свою жену еще до родов! Ромео Монтекки очень вовремя помер, потому что в противном случае Джульетта осточертела бы ему через пару месячишек, как бедняга Розалинда!

А уж что касается «Алых парусов», то эту книгу Алла вообще сожгла бы на костре и рассыпала бы ее последний типографский набор. А изучать в школе предложила бы «Кармен» Проспера Мериме. У этой женщины нежным девочкам надо учиться, как себя вести с мужчинами.

Очнулась Алла у Эрмитажа, куда ноги принесли ее сами, как после разрыва со Счастливым. А стоит ли идти

смотреть на Антиноя? Он наверняка был таким же негодяем, как и все. Красивые негодяи – они еще страшнее. Алла резко развернулась, пересекла Дворцовую площадь, через арку Главного штаба вышла на Невский и медленно пошла к метро, постепенно успокаиваясь. А собственно, чего это она так вызверилась на Звягина? Разве он ее в чем-нибудь обманул? Он просто не сказал, что у него есть жена и дети. А разве он обязан был говорить? Вот если бы она его спросила, а он сказал, что холост и бездетен, тогда бы соврал, а так... Неполная правда – все равно правда. А если бы он сказал, что женат? Что тогда? А тогда она послала бы его ко всем чертям! Вот и славно! Можно представить, что он сегодня сам объявил ей, что женат, и она послала его ко всем чертям! Была проблема – и нет проблемы!

Алла храбрилась и бодрилась, но на самом деле ей хотелось выть громко и долго. Хорошо, что она сейчас на людях и не может этого сделать.

На Владимирском, в ее собственной квартире, Аллу ждал Александр Леонидович Звягин, которому она на свои деньги лично заказала ключ. И первым, что она ему приказала, было:

– Ключ на стол.

Звягин безропотно выложил его на журнальный столик.

– Вы свободны, Александр Леонидович, – абсолютно спокойно сказала ему Алла. – Можете идти заниматься наукой и... семьей.

– Погоди, – Звягин подлетел к ней, схватил за руку и заговорил так проникновенно, как еще никогда до этого: – Да... я виноват перед тобой... и перед женой своей виноват... перед всеми... Но разве я знал, когда женился, что встречу тебя? Я как только тебя увидел в институте, сразу понял, что все... влип... влюбился...

– Брось, Саша, – усмехнулась Алла. – Это у тебя врожденный мужской инстинкт сработал: бери, что плохо лежит! Любовью тут и не пахнет!

– Разве я не доказал, что люблю тебя? Да я сто раз доказал!!!

– Если бы любил, то сказал бы про жену и дочерей, сказал бы, что ошибся, поторопился с женитьбой... А ты успевал и нашим, и вашим: и со мной спать, и жене любовные весточки слать! Так ведь? Иначе она не обнимала бы тебя так страстно в институте, а сразу залепила бы по морде!

– Ну... я же сказал, что виноват, – взмолился Звягин. – Я все время хотел вам обеим сказать... признаться во всем, но как-то не получалось... И потом там девочки: Катя и Машка...

– Вот и катитесь, многоуважаемый зам по науке, к своим девочкам! – зло сказала Алла и сложила руки на груди, отгородившись от него их живым крестом.

Потерянный, сжавшийся и скукоженный, Звягин ушел, а для Аллы начались кошмарные дни. Жена Александра Леонидовича, Лариса Павловна, устроилась к ним же в инсти-

тут в бухгалтерию. Разумеется, в очень скором времени она была посвящена доброжелателями в тайны отношений собственного мужа с некоей Белозеровой Аллой Константиновой. Лариса Павловна поначалу придала этому не слишком большое значение. У всех мужиков бывают загулы, так уж они устроены, и с этим надо считаться. Александра тем более можно простить, потому что он целых полгода жил в Ленинграде без женщины. Какой мужчина это выдержит? Но когда Лариса Павловна увидела Аллу Белозерову собственной персоной, то онемела от ужаса. Таких безупречных красоток она видела только в иностранных модных журналах. Только одно лицо – есть настоящее произведение искусства! Как она умудряется так красить ресницы, что ни одна не слипается с другой? А кожа?! Какая у нее кожа!!! Гладкая, матовая, без единого дефекта!!! И губы! Такой красивый изгиб! И помада какая-то особенная! У нее, Ларисы, помада вечно скатывается в противные кусочки и в уголки губ почему-то затекает. А у этой – блеск да и только! А одежду эта Алла явно не в магазине покупает! Шьет, наверно, на заказ. Но ведь это надо еще суметь придумать, чтобы тебе так сшили: просто, неярко, но так элегантно и изысканно, хоть плачь. Такую женщину на кривой кобыле не объедешь... В такую любой мужчина влюбится, не только ее Сашка. Наверняка эта inferнальная женщина совратила кучу мужиков из института.

Больше всего Ларису поразила Аллина прическа. Настоящий блестящий шлем – волосок к волоску! А что, если по

этой части и попытаться с ней сразиться? У нее, Ларисы, тоже очень сильные и густые волосы, и тоже, между прочем, прямые! Если она пострижется, то они, возможно, будут лежать не менее красиво. Да и вообще! Давно пора распрощаться с косой. Она теперь живет в столичном городе, а не в паршивом заштатном Новореченске, где и сходить-то, кроме речного вокзала, некуда. Что-то не видела она в Ленинграде женщин с косами! У всех стильные стрижечки или пышные прически.

Укрепившись таким образом в собственном решении, Лариса отправилась в парикмахерскую. Когда она распустила свои волосы, они накрыли ее всю до колен, как плащом, и смотреть на это чудо сбежалась вся парикмахерская. Лариса стояла перед зеркалом и чуть не плакала. Она вспоминала, как впервые разделась перед Сашей, вот так же стыдливо закрывшись волосами. А он онемел от этого необычного зрелища и сначала целовал лишь кончики пшеничных прядей, а потом, специально медля и растягивая удовольствие, долго добирался до ее тела... А потом волосы мешали, и приходилось их срочно скручивать жгутом или быстренько заплетать опять в косу, чтобы забрасывать за подушку, иначе в постели не повернуться было ни ему, ни ей. Ларисины волосы были семейной реликвией. А распускать их на ночь и расчесывать стало для обоих ритуалом. Саше нравилось, зарываясь в густое золото ее волос, искать в них пышное розовое тело...

Парикмахерши дружно уговаривали Ларису не сходить с

ума и не покушаться на такое богатство, но она, с трудом сдерживая рыдания, твердила только одно:

— Будем стричь...

Прическа, которую она заказала, к ее лицу и фигуре абсолютно не подошла. Лариса окончательно лишилась шеи и стала казаться еще толще, чем была. Бесконечно набегающие на лицо пряди с непривычки мешали ей до головной боли, и она приспособилась заправлять их за уши. При этом голова своими очертаниями стала напоминать грушу с печальным измученным лицом. Но самым ужасным оказалась даже не потеря косы, а вместе с ней и яркой индивидуальности, а то, что Саша этой потери даже не заметил. Он и не вспоминал, что совсем еще недавно любил расчесывать ее волосы и любоваться их блеском в свете тусклого ночника. Ритуал перехода от бытовухи к таинствам интимной жизни был утрачен без всякого сожаления со стороны Саши. Да и таинства-то никакого больше не было. Был голый, торопливый секс, который не приносил ни одному из супругов ни удовольствия, ни отдохновения. Лишившись косы, Лариса ничего не приобрела. Саша не заметил ни нового синего костюма, который она сшила в Аллином стиле, ни смены колера косметики. И она поняла, что чисто внешними признаками Сашу не пронять, а возможно, что и вообще ничем не пронять, а потому бороться следует с источником зла, а именно с Аллой Константиновной Белозеровой.

Первым этапом в этой борьбе стало ее посещение Аллы

Константиновны на дому.

– Что вы от меня хотите? – спросила Ларису Алла.

– Чтобы вы оставили моего мужа в покое! У нас дети!

– Мне ничего от него не нужно, – устало сказала Алла и отвернулась к окну.

– Зато ему от вас нужно! – занервничала Лариса. Ей хотелось видеть глаза соперницы, чтобы понять, говорит она правду или прикидывается. Алла, будто поняв это, повернулась к ней лицом:

– Я могу пообещать вам, что Александр Леонидович никогда больше не переступит порога этого дома, и это единственное, что я могу для вас сделать.

– Ну и что с того!! – взвизгнула Лариса. – Вы можете продолжать встречаться, где угодно, а я требую вашего окончательного разрыва!!!

Алла раздумывала, какой аргумент в свою пользу еще привести, когда раздался звонок в дверь. Она извинилась и пошла открывать. Лариса двинулась за ней, и правильно сделала, потому что на пороге стоял ее собственный муж.

– Вот!!! Пожалуйста!!! – закричала она. – Говорила, что не переступит, а он переступил – и хоть бы что!!!

– Лариса?! – ошеломлен при виде жены Звягин. – Что ты тут делаешь?

– Я?! Я защищаю свой семейный очаг, а вот что ты тут делаешь?!!

Лицо Ларисы покраснелось, нос покрылся мелкими ка-

пельками пота. Она больше, чем когда-нибудь, походила на рыхлую, переспелую грушу, но не догадывалась об этом. Звягин, слегка отодвинув жену, переступил-таки порог Аллиной квартиры и срывающимся голосом сказал:

– Лариса, я официальным образом прошу у тебя развод... О девочках не беспокойся. Я обеспечу их всем необходимым, и ты...

Он не договорил, потому что Алла сатанински рассмеялась. Она хохотала и хохотала, да так, что потекла и размазалась по щеке тушь. Чета Звягиных застыла от ужаса, ибо совершенно не могла понять, что происходит. Отсмеявшись, Алла вытерла слезы тыльной стороной ладони и сказала:

– Если ты думаешь, Сашенька, что мне нужен твой развод, то ты здорово ошибаешься!

– Я... я... думал, что если мы официально поженимся, то...

Алла опять рассмеялась:

– С чего ты взял, что я хочу, чтобы мы, как ты трогательно выражаешься, официально поженились?

– Так что же... неофициально...

– Да никак! – жестко заявила Алла. – Ты мне не нужен ни официально, ни неофициально! И... – Алла выразительно помахала обеими руками в направлении выхода, – убирайтесь из моей квартиры... оба!!

Потрясенные Звягины из квартиры убрались. Алле казалось, что она нашла наилучший способ решения назревшей

проблемы, но, как потом оказалось, ошибалась. Пока она этого не знала, то радовалась тому, что не успела влюбиться в Александра так, как когда-то в Счастливику. Ей было горько и обидно, что она обманулась и подставилась, досадно, что опять глупо, по-детски размечталась, но не более того. Она поняла, что жизнь преподала ей еще один урок, сделала для себя соответствующие выводы и укрепила в ненависти и презрении к представителям так называемого сильного пола.

А потом и начался тот кошмар, которого Алла никак не ожидала. Лариса Павловна Звягина повела себя очень нетрадиционно. Ей бы радоваться, что любовница мужа дала ему полный отлуп, а она почему-то очень оскорбилась за своего Александра Леонидовича. Правда, с Ларисиной точки зрения, все было очень логично: она всегда гордилась мужем, а тут вдруг какая-то профурсетка позволила его так щелкнуть по носу. Она должна быть за это наказана. И Лариса начала рыть носом под Аллу Белозерову. К тому времени жена зама по науке Звягина уже возглавляла институтскую бухгалтерию, а потому на самых законных основаниях назначила инвентаризацию казенного имущества. Белозеровой, как материально ответственному лицу, было предъявлено чуть ли не обвинение в расхищении социалистической собственности. В лаборатории, за которую Алла отвечала, не досчитались двух настольных ламп, калькулятора, трех блоков питания, одного вентилятора, одного телефонного аппарата и одной

подставки для перекидного календаря. Начальник отдела с трудом отбил Аллу у бухгалтерии, взяв всю вину на себя, но нервы ей потрепали здорово. Несколько раз именно на Алле заканчивались деньги, когда Лариса Павловна в качестве кассира выдавала сотрудникам института зарплату. Когда Алла отходила от кассы, другим сотрудникам денежные купюры тут же находились, а Белозерова, чтобы лишний раз не контактировать с Ларисой Павловной, заказывала деньги с депонента. Алле пару раз забывали начислить премию, потеряли ее больничный лист, потом пропуск, а потом фотографии, которые она принесла для нового пропуска. Все эти происки Ларисы Алла переносила бы героически, потому что чувствовала себя перед ней немного виноватой, если бы не сам Звягин. Куда делось все его обаяние и умение строить межличностные отношения! Сначала он подкарауливал Аллу во всяких местах и умолял о любви. Алла его уже презирала, а потому уговорить ее было невозможно. Однажды вслед за ней он ворвался в ее квартиру и пытался чуть ли не изнасиловать, полагая, что, расслабленная и обезоруженная в его железных объятиях, она выбросит наконец белый флаг. У него ничего не получилось, ибо Алла уже тогда знала пару-тройку приемов, как обезвредить особо назойливых приставал.

– Но ты же меня любила! – гневно сверкая глазами, крикнул он. – Любила! Я это чувствовал! Куда же все делось и так быстро?!!

– Я еще не любила, Саша, – спокойно ответила она. – Я готова была полюбить, это верно... но ты со своей Ларисой сделал все, чтобы я вас обоих возненавидела.

– Аллочка, – бухнулся он перед ней на колени, – ну прости меня... Я не могу без тебя жить! С ума схожу! Лариску готов удушить! Дочки раздражают! Вот до чего дошел!

Алла молчала, безразлично глядя в стену.

– Ну в чем моя вина? – горячился он. – Только ведь в том, что я не сказал тебе о жене! Но я ведь все равно сказал бы! Куда бы я делся? Днем раньше – днем позже, какая разница?!! Разве в этом дело?!!

Алла понимала, что Звягин прав. Если он и виноват, то только перед собственной женой. А ей он не сделал ничего плохого. Может быть, он действительно любит ее, как говорится, по-своему... Все дело в том, что она не смогла его полюбить... Эту коронную фразу Счастливчика она повторила уже второй раз в жизни и именно тогда поняла, что любить разучилась вообще.

Александр Леонидович работать рядом с Аллой Белозеровой не смог. Сначала он перешел в соседнее НИИ со сходным профилем научных исследований, а потом вместе с семьей уехал обратно в Новореченск. После торжественного отбытия Ларисы Павловны из института местная уборщица баба Клава вытащила из-под стола Аллы Белозеровой небрежно сделанную тряпичную куклу с пронзенной вязальной спицей грудью. Она решила ничего не говорить красави-

це Аллочке и, не мешкая, сходила к одной знакомой, которая дала ей пузырек привезенной из святых мест водицы. Куклу баба Клава сожгла в печи, которую очень вовремя приволокли к институту рабочие коммунальных служб города. На ней разогревали смолу и смолили ею текущие крыши старых зданий. Кукла занялась быстро и сгорела без остатка. Спица почернела, потом покраснела и таким образом наверняка очистилась от всяческой скверны. На следующий же день, еще до прихода Аллочки на работу, баба Клава обрызгала святой водой ее стол и всю территорию вокруг ее рабочего места. Остаток водицы она решила вечером влить в суп своему мужу, который последнее время очень нехорошо кашлял.

Алла Белозерова никогда не узнала о кукле с пронзенной грудью, но вполне возможно, что ее короткое нахождение под ее рабочим столом и сыграло свою отрицательную роль, поскольку последующая Аллина жизнь сладкой не была, как, впрочем, и предыдущая.

А жизнь между тем продолжала убеждать Аллу, что она на правильном пути. К тому времени мужчины уже развалили Советский Союз и организовали перестройку с ее сенсационными разоблачениями. Лагеря, «черные вороны», жертвы репрессий и войн – вот итоги их неутомимой деятельности. Оборотни, не стесняясь, демонстрировали широкой общественности свою настоящую сущность. Партийные функционеры строем повалили в церковь, неумело крестясь загре-

бущими руками. Они пускали в оборот в качестве индulgенций ваучеры, всевозможные акции и прочий бумажный мусор и говорили с экранов телевизоров красивые слова о возрождении бывшего тоталитарного, а ныне демократического государства. Алла не верила ни одному их слову. Она знала, что за элегантными пиджаками скрываются похотливые мелкие душонки, за элитными очками – масляные глазки, а руки, потрясающие манифестами вновь образованных партий, готовы в любой момент их бросить, чтобы ловчее было лезть в государственную казну или женщинам под юбки.

Однажды ей попала в руки недавно изданная книга об Александре Гриневском. Алла узнала, что непревзойденный мастер красивых сказок, легенд и феерий был горьким пьяницей и тиранил этим жену. Капитан Грей наконец показал свое истинное лицо. Алла разорвала в клочья, как когда-то свои киевские ню, слюнявую сказочку про алые паруса. За биографией Грина последовала биография наркомана Булгакова, игроков Некрасова и Достоевского, нетрадиционно ориентированного Чайковского и других. Авторами книг тоже были в основном мужчины. Оборотни доносили друг на друга, лаяли, и ветер разносил их лай по всей стране. Когда Алле удалось прочитать некоторые из опубликованных страниц дневников Пушкина, она даже растерялась. Какое уж тут «чудное мгновенье» и «как дай вам бог любимой быть другим»? Тот же оборотень в бакенбардах! А Лермонтов! За то,

что в детстве Сушкова дала ему откусить от булочки с опилками, мстил ей, будто она была его женой и наставила рога.

Ей сделалось окончательно ясно, что мужчины к любви не способны, разве что к некоторой влюбленности и только до того момента, пока, по собственному их выражению, им «не дали». А чтобы «дали», почти каждый из них готов был на любые мерзости и обман. Алла платила им тем же. Она не жалела никого, вплоть до мужей своих подруг. Подруги в скором времени перестали быть таковыми, потому что ни один муж не устоял. При этом Алла совершенно их не увлекала. Они, как мотыльки, летели на ее свет сами, а она пользовалась тем, кем хотела. А те, кем она не захотела воспользоваться, наливались злобой, раздражением и запрещали своим женам дружить с «этой шлюхой, которая, ты же знаешь, дорогая, спала даже с Вадиком, мужем Маргариты». Муж той самой Маргариты, с которой Алла ездила в незабываемую поездку в Киев, был тем самым Вадиком, с которым подруга познакомилась в поезде. Именно из-за их свиданий Алла, оставшись один на один со столицей Украины, и попала в передрагу с Фотографом. Вадик являлся самым нудным и порядочным интеллигентом в очках, которые только встречались Алле в жизни. Так вот этот самый интеллигент однажды нечаянно здорово наклюкался на свадьбе еще одной подруги собственной жены. Дойдя до кондиции, в которой раньше никогда не бывал, он решил, что сам черт ему теперь не брат, и пригласил на танец Аллу. Прижимаясь

к ней всем своим тщедушным телом и скользкими очками, он стал нашептывать, что она ему всегда нравилась гораздо больше Маргариты, но он всегда боялся ей это сказать, а теперь осмелел и требует немедленной половой сатисфакции. Вадика в конце концов еле оттащили от Аллы, а поскольку ни в чем предосудительном он ранее замечен не был, ответственность за подобное не комильфо на свадьбе целиком и полностью легла на Аллины плечи. Маргарита больше с Аллой не разговаривала, что та героически перенесла, потому что давно уже не нуждалась ни в ком: ни в вадиках, ни в подругах.

Сейчас у Аллы был тот самый Некто Макс, который так не вовремя позвонил ей после ее грустной победы над Башлачевым. Она так и звала его – Некто Макс. Она выловила его в мутной водичке одного из заведений общепита, ныне гордо именовавшего себя «Бистро», в которое зашла по пути со службы домой – купить бутылку минеральной воды. Некто Макс сидел за столиком, уставленным банками пива, и тупо смотрел в пространство. Он представлял собой, с точки зрения Аллы, чудесный экземпляр молодого самца с выпуклыми бицепсами, сильным торсом и породистой головой с гордым профилем. Она прищурилась, оценивая жертву. Если бы его еще попросить встать... Алла не любила низкорослых. Она попросила бармена налить ей минералки в стакан, насыпать хрустящих колечек в вазочку и направилась к об-

любованному объекту. Она специально толкнула его бедром и сказала:

– Не могли бы вы привстать? Я хочу пройти к соседнему столику.

У объекта не хватило сообразительности или желания посмотреть по сторонам, чтобы определить: к облюбованному столику она могла пройти и с любой другой стороны. Он довольно резко встал, продемонстрировав при этом свой высокий рост, и со столика прямо под ноги Алле посыпались пустые банки. Остатки пива из одной даже выплеснулись ей на туфли.

– Простите, – невесело усмехнулся объект. Зубы у него тоже были отличные. – У них... здесь... наверно, есть какие-нибудь салфетки... – и он беспомощно огляделся по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.